

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНЯЯ ФЕРГАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

А. Н. БЕРНШТАМ

ДРЕВНЯЯ ФЕРГАНА

(Научно-популярный очерк)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

Ташкент—1951

ОТ АВТОРА

Настоящий очерк представляет собой переработанный и дополненный текст лекций и бесед, неоднократно читанных в различных аудиториях Ферганы, Алая и Памира во время наших экспедиций, которые мы проводили в этих местах с 1944 г.

Основу лекций составляли, кроме материалов, общеизвестных в специальной литературе, главным образом результаты нашей исследовательской экспедиционной работы. Своими наблюдениями мы делились не только через публичные лекции, но и в местной периодической печати, в газетах «Ленинский путь» (г. Ош), «Большевикский путь» (г. Джалал-абад), «За коммунизм» (г. Наманган) и «Советская Киргизия» (г. Фрунзе).

Научные итоги наших изысканий частично уже нашли отражение в специальной печати. Полный отчет о работах 1944 — 1949 гг. подготовлен к печати в книге «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая» (Институт Истории Материальной культуры Академии Наук СССР).

Цель настоящей брошюры — обобщить наши личные исследования с учетом работ, проводившихся в Фергане ранее, прежде всего экспедиции археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала имени Сталина в 1939 г. (руководитель проф. М. Е. Массон), наблюдений на строительстве Северного Ферганского канала (Т. Г. Оболдуева) и Южного Ферганского канала (В. Д. Жуков) в 1940 г. Автор привлек и данные письменных источников, в основном систематизированные В. В. Бартольдом.

Брошюра, подводя итоги исследований главным образом подгорной и горной Ферганы, является предварительным отчетом о первом этапе работ 1944—1948 гг. перед широким кругом читателей и в какой-то мере, надеюсь, даст перспективу дальнейшего археологического изучения этого интересного и многогранного в историческом отношении края.

Ленинград, январь, 1949 г.

Глава I

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ

Ферганская долина издревле славилась богатой земледельческой культурой. Мощные речные артерии: Нарын, Карадарья и, после слияния их, Сыр-дарья прорезают долину в широтном направлении. Горные речки, сбегаящие с Туркестанского хребта, на юге Куршаб, Ак-бура, Араван, Исфайрам, Сох, Исфара и другие; с Ферганского—на востоке Кара-ункур, Кугарт; с Чаткальского — на севере Касан, Патша-ата и другие, орошают плодородные земли подгорных равнин, обеспечивая богатый урожай разнообразных культур на лёссовых почвах долины. Здесь богата не только растительность, возделанная человеком. В горных ущельях и долинах, примыкающих к Фергане, прежде всего в Кетмень-тюбе, Алае и в Чаткале, раскинулись богатейшие пастбища, издавна привлекавшие кочевника-скотовода.

У подножья гор и главным образом на склонах Ферганского хребта заросли ореховых и алычевых лесов создают неповторимые уголки для обитания человека в этих теплых и богатых разнообразной пищей уголках. Привлекают в этом крае и богатства гор, предоставляющих человеку все необходимое для изготовления орудий труда и предметов быта.

Хотя следы людей каменного века еще не открыты археологами, но нет сомнений в том, что в пещерах горной Ферганы следы деятельности древнейшего хозяина края будут найдены при тщательном их исследовании. Назовем удобные для обитания человека пещеры у слияния рр. Кашка-джол и Нарына в каньоне р. Нарын, на пути в Кетмень-тюбе, целый «пещерный город» в «средиземноморском» уголке восточной Ферганы по течению реки Арсланбоб, отметим, затем, пещеры в горах Сулейман-тау, Айрымач-тау, Катран-тау и в урочище Кош-бель, за перевалом Метинг-бель на юге Ферганы, пещеры Могол-тау—на западе и ряд других, известных и еще неизвестных исследователям.

Случайные находки микролитических орудий под городом Ош и обнаруженные там кости вымерших животных четвертичного времени вселяют уверенность в том, что первона-

чальные истоки человеческой жизни в Фергане будут скоро открыты, а неизвестны они пока потому, что специально их никто не искал.

Если неизвестен этот древнейший охотничье-собираТЕЛЬский этап в истории человека древней Ферганы, то более ясно выступают первые сигналы его земледельческой жизни, отмеченной древними поселениями. Они относятся к поздне-неолитической поре или даже к ранней бронзе, т. е. VI—IV тысячелетиям до н. э., и обнаружены археологом Б. А. Латыниным в 1928—1930 гг. в районе городища Эйлатан и Нарынского совхоза на границе современных Андижанской и Наманганской областей, к северу от Хакулабада. Здесь, благодаря раскопкам Б. А. Латынина, выступила архаическая культура оседлых земледельцев, живших в домах из сырцового кирпича, возделывавших зерновые культуры и, очевидно, уже знакомых с садоводством (найлены косточки урюка). Немногочисленные данные свидетельствуют об относительной развитости культуры этих древних жителей Ферганы. Они занимались земледелием, которое невозможно здесь без искусственного орошения: следовательно, им было знакомо строительство арыков. Они пользовались каменными зернотерками для размолла зерна и лепили грубую глиняную посуду для варки и хранения пищи. Сосуды лепились от руки, стенки их были толстыми, свыше одного сантиметра, в «тесто» для большей связи замешивалась солома, а для огнеупорности—толченые черепки (шамот). Поверхность посуды закрашивалась тонким слоем отмученной глины (ангоба) и покрывалась незамысловатым линейно-геометрическим рисунком, исполненным охристыми минеральными красками (желтой, красной, коричневой). Резного или налпнного орнамента обитатели древних поселений на этой посуде не делали. Формы ее были в основном полусферические, чтобы удобно было ставить посуду на очаг, сложенный из камней. Такую форму сосудов предпочитали пастухи-скотоводы, что наводит на мысль о тесной связи с ними ранних земледельцев Ферганы. Об этом же свидетельствуют собранные нашей экспедицией 1946 г. в окрестностях г. Ош находки керамики типично карасукского облика, т. е. восходящей к первому тысячелетию до н. э.

Сосуществование пастушества и земледелия, проявившееся столь рано в Фергане, составляло типическую черту ее древней истории на протяжении тысячелетий.

Мирный труд земледельцев Ферганы неоднократно прерывался набегами кочевников, спускавшихся с гор в равнины. Да и в равнинной Фергане, особенно по ее окраинам, под горами, еще долгое время продолжали путь пастухи, лишь впоследствии окончательно вытесненные в горы.

Исключительно интересным памятником «наступления» земледельческой культуры в Фергане являются наскальные изображения на перевале Кугарт в Ферганском хребте, к востоку от современного г. Джалал-абада. Дорога к этим изображениям, выбитым на камнях, несущих характерное название «Саймалы тас» («узорчатый камень») идет по богатой долине р. Кугарт на востоке Ферганы. Эти изображения были открыты художником Н. Г. Хлудовым еще в 1902 г., а позднее в 1903 г. были обследованы инженером И. Т. Пославским. В 1946 г. эти изображения обследовал Б. М. Зимма.

Среди разнообразных и, очевидно, разновременных наслоений выделяются два явно древних сюжета. Это, во-первых, охота на диких животных, причем охотник маскируется в шкуру животного и пользуется помощью собаки, во-вторых, изображения пахоты, где люди одеты в птицеподобные костюмы, а в плуги запряжены быки (яки?). Анализ этих изображений и ряд прямых и косвенных аналогий дают основания полагать, что они появились на рубеже второго и первого тысячелетия до н. э. Таково, например, изображение яка, известного как ритуальное животное и для скифского времени и на Тянь-шане и в горной Фергане. Стиль рисунков напоминает приемы изображения головы быка в ахеменидском Иране VI—IV вв. до н. э., где рога заканчиваются изображением шариков. Другие детали, в частности техника выбивки рисунка и его композиция, свидетельствуют о древности изображений. Сцены наскальных изображений Саймалы-тас несут отпечаток культово-магического ритуала, знаменующего возникновение в Фергане земледелия, и говорят также о значительной роли охоты.

Аналогичные культово-магические сцены V—IV вв. до н. э., вызванные желанием человека содействовать размножению животных и успеху охоты, представлены на араванской скале, где рядом с изображением горных козлов и архаров нарисованы люди, исполняющие, очевидно, религиозный танец. Побутно отметим, что на той же скале и на этом же рисунке позднее (III—I вв. до н. э.) были исполнены сцены размножения знаменитой породы ферганской лошади. Очевидно, араванская скала издавна сохраняла значение этого культа воспроизводства необходимых человеку животных, вначале диких, затем домашних.

Мы подошли, таким образом, к середине первого тысячелетия до н. э., когда появляются первые письменные источники, по которым мы узнаем имена народов и их политическую историю. К V веку до н. э. относятся свидетельства «отца истории» Геродота, который, перечисляя племена Средней Азии по сатрапиям (владениям) ахеменидского Ирана, отмечает, что

в состав десятой сатрапии входили племена парикании и ортокорибантии, от которых ахеменидские цари получали 450 талантов серебра.

Ортокорибантии—это греческое название сакского племенного имени «сака тиграхауда», т. е. саков «острошапочных», которые жили к востоку и к северу от Сыр-дарьи. Это было одно из трех наименований скифских племен Средней Азии. Еще были сака-тарадарайя—очевидно «приморские» и сака-хаомоварга, или амюргии, жившие также за Яксартом—Сыр-дарьей.

Как следует из текста Геродота, саки ортокорибантии жили по соседству с париканиями, поскольку они находились с ними в одной сатрапии. С именем этих племен, которые упоминаются позднее у римского историка Плиния (I в. н. э.), исследователи связывают происхождение названия Фергана, в местном произношении «Паргона», форма, которая может быть сопоставлена с именем племен скифской группы «парикан». Этимологизируется же имя «Паргона» из иранских диалектов как «межгорная долина», что целиком и полностью соответствует действительности. Племена, жившие в долине, носящей это определение, усвоили ее название, подобно тому, как скифские племена, жившие по Сыр-дарье и среди озер, носили название «водных» скифов (скифы-абии, апасиаки и т. п.). Парикании, очевидно, и была одним из центрально-ферганских и наиболее многочисленным племенем. Центром этой сатрапии, вероятно, являлся город Кирополь, основанный ахеменидским царем Киrom (VI в. до н. э.), который ученые предположительно помещают в районе Ура-тюбе.

Исходя из данных более поздних античных авторов, можно выяснить с большей или меньшей определенностью местоположение и других племен. По Сыр-дарье, ближе к западной части Ферганы, так же, как и в соседнем Ташкентском оазисе, жили племена скифы-абии «водные», позднее получившие по имени реки, по берегам которой они жили, наименование яксарты. Они проживали вдоль Сыр-дарьи и к северу от нее и входили, вероятно, в конфедерацию заяксартских саков, которые именовались саки хаомоварга, или амюргии. К югу от париканиев, у склонов Туркестанского хребта и в межгорных долинах «малого» Алая жили племена аристеи, по имени которых в средние века эта горная страна называлась Рашт. Долину Чон-алая и далее на запад, Каратегин, заселяли тоже скифские племена—кумеды.

Таковы основные племенные группы древней Ферганы накануне выхода ее на политическую арену. Хотя до Ферганской долины доходил Кир ахеменидский, а на западных границах ее «приречные варвары»—скифы дали сражение войскам

Александра Македонского (327 г. до н. э.), и несмотря на то, что Александр Македонский на западной границе Ферганы, где теперь город Ленинабад (Ходжент), построил город Александрию Эсхата (т. е. Александрию Крайнюю), Фергана все же оставалась вне основных политических событий, происходивших в Средней Азии.

Археологические памятники показывают, что ее связи наиболее активно развивались с соседним Тянь-шанем. Так, на Большом Ферганском канале был найден типичный скифский бронзовый котел на трех ножках, украшенный по закраине процессией идущих по ходу солнца фигурок горных козлов; показательны также находки бронзовых кинжалов скифского типа с перекрестием в виде опущенных книзу «усиков»—вещей, характерных для Семиречья V—III вв. до н. э. В долине Алая около селения Гульча нами были раскопаны древние могилы в урочище Чакмак с характерным инвентарем около покойников. Тип погребального сооружения в виде плоских курганов с выложенным в насыпи кругом—эмблемой солнца (кромлех), сосуды в виде полусферических чаш, бронзовая булава и особый вид бронзовой пряжки с крючком для застегивания ремня—все это говорило о тяньшаньском происхождении пастухов-скотоводов, оставивших эти курганы. Характерно, что в расовом типе погребенных антропологи наблюдают «андроидные» расовые черты, свойственные древнему населению Тянь-шаня и Казахстана. О длительных взаимосвязях населения Ферганы с Тянь-шанем говорят и находки в тулейкенском могильнике (к северо-западу от г. Ош). В нем были раскопаны кенотафы (погребальные холмы в память об умершем), в которых оказалась культовая посуда, по форме типично семиреченская, но с отделкой (красная и желтая расцветка с лощением) и орнаментом (резные, опущенные вершинами вниз треугольники), свойственными Фергане того времени. Влияние Ферганы мы усматриваем в раскраске сосудов (по белому фону синие заштрихованные углы) и в их лощении, выявленных в находках на Алае (могильники Кызыл-курган, Шарт и другие). Более того, под сильным влиянием ферганской культуры земледельцев складывалась культура полусседлых пастухов-скотоводов Алая и Чон-алая, которую мы связываем с кумедами. В обследованных нами поселениях и некрополях середины первого тысячелетия до н. э. в Кызыл-кургане (Алай) и Дараут-кургане (Чон-алай) выявлена керамика, аналогичная той, что наблюдается в ферганских архаических городищах, зернотерки; обилие костей домашних (овца, лошадь) и диких (косуля, кабан) животных, изделия из кости (гарпуны, крючья, лощила и т. п.). Охота, скотоводство и земледелие с несомненностью документируются указан-

ными находками, а весьма сходная техника в изготовлении и украшении сосудов отмечает связи с оседлоземледельческой Ферганой.

Если, таким образом, Фергана знала тяньшаньских пришельцев, то последние испытали на себе воздействие ее культуры, и влияние Ферганы, пересекая хребты, доходило до Чон-алая. Это и был тот «международный» мир, который знала древнейшая Фергана. Ни Кир, ни Александр Македонский не вывели ее на более широкие исторические просторы. Характерно, что имени Ферганы не знает античная история. И если некоторые ученые пытаются в античном имени Тапура (Страбон) видеть одно из названий Ферганы рубежа н. э., то это более поздняя эпоха, когда Фергана уже пережила первый расцвет своего древнейшего государства IV—II вв. до н. э., эпоху царства Давань.

Глава II

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДАВАНИ

«В Давани находится до 70 больших и малых городов; народонаселение до нескольких сот тысяч человек».

Чжан Цянь *

Активность среднеазиатских государств и прежде всего создание кушанского государства, разгромившего остатки Грекобактрии, способствовали выдвиганию Ферганы. Ее местоположение на рубеже Средней Азии и Китая, вовлекшего в свои пределы оазисы Восточного Туркестана и тем самым ставшего соседом Ферганы, не могло не остаться незамеченным великими государствами Востока. Еще в период грекобактрийского царства (250—140 гг. до н. э.) один из его энергичных правителей, Эфтидем, пытался прорваться на Восток, очевидно, через Фергану. Во всяком случае, еще в III в. до н. э. Фергана была связана с Грекобактрией, о чем свидетельствуют найденные монеты этого царства, в частности Гелиохла. Борьба между среднеазиатскими племенами юечжами и гуннами в сильной степени затрагивала и Фергану. Во II в. до н. э. ее завоевали усунь, племена Тянь-шаня, образовавшие на ее территории кушанское государство, впоследствии распространившееся далеко за пределы Ферганы. В династийном

* Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, т. III, 4.

названии кушан мы устанавливаем закономерное изменение племенного имени усунь, тяньшаньских завоевателей Ферганы.

Выдвижение Ферганы в ряды государств со значительной международной ролью не могло не привлечь внимания Китая. В 140—87 гг. до н. э. в Китае правил один из выдающихся императоров — Ву-ди. Завоевав Восточный Туркестан, он всячески заботился об организации «Великого шелкового пути» через богатые владения Средней Азии. С этой целью было снаряжено путешествие Чжан Цяня, которому поручили разведать возможные пути через страны Средней Азии, составить описание ее народов. Чжан Цянь посетил Тянь-шань и Фергану дважды: в 136—128 и в 115 годах до н. э. Наиболее подробно он описал усуней и Фергану, но кроме того дал ряд сведений о других народах и государствах Средней Азии (кангюй, дася и т. д.). Содержащиеся в китайских летописях его описания имеют большую ценность, и, пожалуй, наиболее ценно его повествование о Давани или, в другом чтении, Таюани, как называли китайцы Фергану.

В описании Чжан Цяня Фергана-Давань характеризуется как страна, отличавшаяся высоким развитием земледельческой культуры, производства и общественных отношений. Фергана II в. до н. э., как свидетельствует Чжан Цянь, представляла собой раннеклассовое общество. По его рассказу, Давань находилась к западу от гуннов, на юго-западе от усунь, на юго-востоке от кангюй и к востоку от «больших юечжы». Жители Давани вели оседлую жизнь, занимались земледелием, сеяли рис и пшеницу. У них было виноградное вино и много шаньма («добрых лошадей»), происходивших от породы небесных лошадей (тяньма). В Давани имелись укрепленные (общинные) поселения (чэнго) и отдельные усадьбы (уши). Там насчитывалось до семидесяти больших и малых поселений, а в них—до нескольких сот тысяч человек. Оружие населения состояло из луков со стрелами и копий. Жители Давани были искусны в конной стрельбе.

Сообщения Чжан Цяня существенно дополняются другими данными, относящимися к самому концу II в. — началу I в. до н. э.

Из них мы узнаем, что в Давани было широко развито виноградарство. Подчеркивается, что богатые хранили до 10 000 дань вина. Дань (мешок)—китайская мера жидкости—был равен примерно 100 килограммам. «Старое вино,—сообщает китайский текст,—несколько десятков лет стоит без порчи. Жители любят вино так же, как лошади любят люцерну (мусу)». Из Ферганы Китай заимствовал в I в. до н. э. виноград и люцерну, равно как и ферганскую породу лошадей.

По своему внешнему облику, как свидетельствуют китайские источники, ферганцы были сходны с представителями других племен Средней Азии, имели «впалые глаза и густые бороды». Существенное место в их быту занимала торговля, большим почетом пользовались женщины—«что скажет жена, муж не смеет не выполнить». По свидетельству тех же источников, ферганцы якобы не знали монет, шелка и лака (т. е. китайских вещей) и не умели изготовлять посуду из металла.

Эти краткие сообщения могут быть дополнены и прокорректированы археологическими свидетельствами и вместе с ними дают возможность восстановить облик Ферганы времени Даваньского государства. Китайские источники лишь уточняют и подтверждают археологические данные.

Естественно, что китайцы обратили внимание в первую очередь на неизвестные им земледельческие культуры (виноград и люцерна), а затем на те широко распространенные в Китае явления, которые оказались не типичными для жителей Ферганы (лак, шелк, слабое распространение металла, отсутствие денег). Упомянутые в китайских источниках дань, очевидно, являются хумами, средний объем которых действительно достигает 100 кг. Эти большие сосуды привлекли внимание и античных авторов, которые приводят их, видимо, местное название «сир». Содержащиеся в двух источниках, китайских и античных, указания на большие запасы продуктов несомненно свидетельствуют о большой продуктивности производства и создании тех излишков, которые породили, в частности, развитой обмен. Подчеркиваем, что это был главным образом натуральный обмен, так как денег ферганцы не знали. Археологами найдено много хумов и вообще крупной посуды в даваньской Фергане, что подтверждает указания письменных источников.

Наряду с земледелием существенное место в экономике Давани занимало скотоводство пастушеского типа. Это засвидетельствовано указанием на разведение высокоценной породы лошадей с различными наименованиями (шаньма, тяньма и др.). Скот содержался не только на естественных выпасах, было известно и стойловое содержание, о чем говорят посеи люцерны. Разведение лошадей играло большую роль в жизни ферганцев. О существовавшем в Давани культе лошади можно судить по наскальным изображениям у г. Ош на скалах Айрымач-тау и у с. Араван. Лошадей разводили племена аристеи. Это отразилось в наскальных изображениях у древней столицы Ферганы, города Эрши (развалины в с. Мархамат, Мархаматского района, Андижанской области). Имя города Эрши есть не что иное, как китайское произношение племенного названия Арист. Город Арист—Эрши как раз и славился

своими лошадьми. Аристеи, как и другие племена Ферганы, были скифского происхождения, и эта связь с кочевничеством не была утрачена ферганцами II—I вв. до н. э. Еще Чжан Цянь упоминал, что они «искусны в конной стрельбе».

Развитая экономика ферганцев послужила основой для развития городской жизни. Отдельные центры городского типа возникали в Фергане издавна. На границе с Ферганой, в Ура-тюбе, был выстроен Кирополь в VI в., в районе современного Ленинабада была Александрия Эсхата в IV в., до сих пор еще не найдена, вернее, не опознана, Антиохия Скифская, очевидно, построенная при селевкидах. Несомненно, что все эти города возникали на обжитых местах, на местах древнеферганских поселений. Ко второму веку, как указывалось выше, количество городов уже достигало 70. Это были обнесенные стенами, укрепленные общинные поселения (греки их наименовали эримата), часть которых развилась в поселения городского типа. Такие городские поселения имели два ряда стен—внешнюю (вайчэн) и внутреннюю (чжунчэн), т. е. делились стенами на две части, которые в средние века носили названия цитадели и шахристана. Характерно, что иранское название цитадели арк, распространенное в средние века, было известно еще историкам эпохи Александра Македонского (Квинт Курций). Очевидно, что под внутренней стеной следует понимать арк-цитадель, упомянутую античными авторами. Такую развитую структуру поселения имела прежде всего столица Ферганы город Эрши. Вероятно, эту же структуру имели и другие города Давани, например, город Ю, который мы отождествляем с Узгеном.

Обследование руин города, в частности Эрши, показало, что поселения имели весьма разнообразные размеры. В Эрши хорошо сохранился «внутренний город», хуже—внешняя стена, разрушенная строительством современного селения Мархамат. Центральная часть города Эрши составляет прямоугольник стен 500×750 м, ориентированный сторонами по странам света. Стены и защищающие их башни были сложены из крупного квадратного кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см. Внутри площадь была почти не застроена и в ней могли стоять кибитки-шатры и содержаться скот. Только отдельные дома, сложенные из сырцового кирпича, занимали незначительную часть внутреннего пространства. Большое количество жилых помещений располагалось внутри оборонительных стен.

Аналогичные поселения даванского типа известны и в ряде других мест Ферганы. Однако они, как правило, были застроены позже и поэтому изучить их первоначальный план не представляется возможным. Такова, например, судьба древнего города Ю, перекрытого не только древними, но и

средневековыми постройками и отложениями. Из древних, более или менее уцелевших поселений отмечу Чач-тепе, около города Ош, Кашгар-кишлакское городище. Слои даваньского времени, перекрытые более поздними отложениями, выступают во многих пунктах Ферганы. В Чач-тепе видим такой же план и незастроенную внутреннюю площадь, как и в Эрши. только поселение там было меньших размеров. В южной части Кашгар-кишлакского городища отмечены крупные продолговатые постройки. Очевидно, это тот тип поселений, который китайцы называли «чэнго». Другой тип поселений китайцы называли «уши», т. е. буквально, отдельные дома—усадьбы. Развалины этих домов в изобилии представлены руинами Ферганы. Эти, разнообразного диаметра—от 20 до 100 м, низкие—от 1 до 3 м, расплывшиеся бугры—остатки развалившихся больших домов. На поверхности этих бугров много обломков глиняной посуды, зернотерок и других предметов быта. Керамика еще грубая, лепная с дресвой и шамотом, но лучшей выделки, чем предшествующая. Преобладают полусферические формы чаш. Поверхность покрыта желтым или красным ангобом. Реже встречаются кувшинообразные сосуды и хумы. Ясно обозначается сходство с усуньской круглодонной посудой Тянь-шаня, найденной во многих могильниках, особенно при строительстве ферганских каналов, например, около селения Чартак, Наманганской области, в большом Кувинском могильнике в Ферганской области, около Коканда и во многих других местах. В этих же могильниках обнаружены поздние типы скифских трехгранных стрел с коротким черенком, указывающие на использование местным населением лука, засвидетельствованное и выше цитированными китайскими источниками.

Могильники, одиночные дома и укрепленные поселения расположены ближе к горам и тяготеют главным образом к руслам малых горных рек Ферганы. Вдали от гор такие комплексы отмечены пока в междуречье Кара-дарьи и Сыр-дарьи, где удобней было выводить воду на поля древних ферганцев. Дома размещены группами, порой по несколько десятков на сравнительно небольшой площади. Таковы, например, комплексы по р. Джилгин-сай, Акман в долине р. Кара-ункур и другие. В основном поселения даваньского типа тяготеют к южной и восточной Фергане, где раньше возникла земледельческая культура и где для нее более благоприятные условия. Другими словами, она богаче представлена в местах обитания древних племен аристеов и, быть может, париканиев. Укрепленные городища намного реже этих домов и это легко объяснить. Укрепленные поселения являлись всеобразными крепостями, используемыми главным образом во время войны

для укрытия жителей и как загоны для скота. В таких укрепленных поселениях было гораздо меньше бытового инвентаря, чем в развалинах домов, ибо они являлись в основном временным, а не постоянным местом обитания человека. Эти укрепления были своеобразными общинно-родовыми крепостями-поселениями.

Ферганцы эпохи Давань уже находились на стадии классового общества, хотя экономика их государства еще не покончила с более ранними формами хозяйства. Существовали самостоятельные владетели районов. Городами правили советы старейшин. Города-государства представляли собой раннюю форму демократического правления античного среднеазиатского типа.

Фергана, как и прежде, была окружена пастухами-скотоводами. На востоке Ферганы жили племена хюсюнь. Они были расселены не только по восточной Фергане, но занимали Кетмень-тюбе и предгорья Чаткальского хребта. У хюсюньцев отмечены полуседлые поселения, выращивание ими в Кетмень-тюбе проса, первой зерновой культуры, которую, благодаря ее скороспелости (40 дней вызревания), начали выводить кочевники. Кетмень-тюбе, как коренная область племен хюсюнь, была местом, откуда кочевники Тянь-шаня наступали на Фергану. В имени хюсюнь исследователи видят видоизмененное название тяньшаньских племен усунь, их западную ветвь. По своему происхождению хюсюнь связаны с древними саками.

В долинах Алая, которые назывались долиной Юйту, жили племена уш; имя которых сохранил современный город Ош. Южнее племен уш и хюсюнь жили многочисленные племена гуаньду или гуйми, как их называют китайцы, что является вариантом античного названия горных племен кумедов.

Кумеды находились под сильным влиянием Ферганы и, быть может, Тохаристана. Кумеды были полуседлыми пастухами-скотоводами, занимались также охотой и земледелием. Следы их обитания отмечены на Алае (Қызыл-курган) и Чон-алае (Дараут-курган). Их культура отличалась архаичностью. В этот период она воспроизводила культуру скифского времени. Эти племена, так же как хюсюнь и уш, китайцы считали племенами сакского происхождения и отмечали их этнографическое родство с кочевниками-усунями.

Таким образом, если ферганцев китайцы сравнивают с древним оседлым населением Средней Азии, и прежде всего Согда и Бактрии, то горное пастушеское население они связывают по происхождению с саками и усунями, т. е. с древним населением Тянь-шаня.

Такие черты Давани, выявленные по данным китайских и античных письменных источников и археологическому мате-

риалу, характеризуют Фергану IV—II вв. до н. э. Но в конце XI и в I в. до н. э. Фергана испытывает существенные изменения, связанные с двумя событиями: завоеванием ее китайцами и движением восточных племен. После того, как Чжан Цянь донес Китаю о среднеазиатских владениях, китайский император Ву-ди, не удовольствовавшись посольскими взаимоотношениями с этими странами, решил подчинить их своей власти и организовать «Великий шелковый путь». С такой целью он предпринял завоевание Восточного Туркестана и вслед за тем наступление на Фергану. Во главе этого военного предприятия он поставил выдающегося полководца Ли-Гуан-ли, прославившегося своими походами на гуннов. Потерпевшие неудачу в 121—119 гг., гунны не мешали китайским войскам осуществлять их план. Ли-Гуан-ли в 104—102 гг. до н. э. и 101—99 гг. совершил два похода на Фергану. Первый окончился неудачно. Растеряв значительную часть своих войск, Ли-Гуан-ли не привел к Фергане достаточных сил и вынужден был отступить под ударами ферганских войск, отдав обратно единственный взятый им город Ю. Второй поход был более удачным для Ли-Гуан-ли. Он обошел восточный город Ю (Узген) и осадил столицу Эрши. Кроме перечисленных выше причин войны, к ней толкало китайцев стремление получить ферганских лошадей. Ферганцы ожесточенно сопротивлялись, но, в конце концов, были осаждены Ли-Гуан-ли в их столице. После сорокадневной осады, когда китайцам удалось прервать водоснабжение осажденных и разрушить внешнюю стену, ферганцы все еще сопротивлялись во внутреннем городе во главе со своим царем Мугуа, ожидая поддержки со стороны племен кангюй (Сырдарья). Зная, что ферганцы имеют большие запасы провианта и смогут снабжаться водой из колодцев, китайцы удовольствовались головой выданного Мугуа, получили несколько десятков жеребцов и 3 000 кобыл и поставили своим наместником старейшину из числа знатного ферганского рода некоего Моцай'я. Один из отрядов армии Ли-Гуан-ли взял город Ю. Этот поход был высоко оценен китайским императором, щедро одарившим войска, принимавшие в нем участие. Однако успехи китайцев в Фергане не были закреплены. Вскоре после ухода изрядно потрепанных китайских войск (выступило из Китая 60 000 человек, вернулось около 10 000, лошадей было 30 000, быков—100 000, ослов, лошаков и верблюдов—10 000, а вернулось 1 000 лошадей) даваньцы убили наместника Моцай'я и поставили правителем Жишаня (по другим источникам, Чаньфын), младшего брата Мугуа, продолжив посольские связи с Китаем в качестве равноправного государства. Чаньфын отправлял в Китай дань по две пары лошадей поро-

ды тяньма и, кроме того, китайские посланники вывезли люцерну и виноград.

Китайские походы не покорили Фергану. Она сохранила свою самостоятельность, но вряд ли надолго. В том же I в. до н. э. она исчезает на политической карте Средней Азии как самостоятельное государство. Появляется новая сила, включившая Фергану в свою систему,—этой силой было кушанское государство.

Глава III

КУШАНСКИЕ «ЗАМКИ»

«Лона есть древнее владение Давань, столица в городе Гуйшань».

Вэйшу.

Письменные источники крайне слабо освещают происхождение кушанского государства. На начальных стадиях, еще во II в. до н. э., когда происходило объединение племен Сыр-дарьи и северной части Согда против греко-бактрийского владычества, главную роль в этом объединении сыграли племена асии. Этим именем античные авторы называли племена, известные китайцам как усунь. Из западной ветви усуней произошли «цари тохаров», т. е. племен Сыр-дарьи, составивших основное ядро кушанского государства. Династийное, политическое имя тохарской конфедерации было кушан или кусан. Это имя широко распространилось на Востоке вокруг Тяньшаня и является не чем иным, как видоизмененным именем усунь. С именем кусан (кушан) созвучно и название восточноферганских племен хюсюнь. Со второй половины II в. до н. э. начинается подъем западной ветви усуней от Ферганы до средней Сыр-дарьи, в то время как восточная ветвь все более и более слабеет под ударами гуннов. Вытеснение усуней на запад под давлением гуннов и в результате внутренних междоусобий прямо засвидетельствовано источниками. Так, например, в истории китайской старшей династии Хань (202 г. до н. э.—8 г. н. э.) сказано, что один из усуньских владетелей по имени Бихуаньчжи, «взяв до 80 000 душ своих подданных, ушел на север в Кангюй». Это было в I году н. э. Эти откочевки случались неоднократно и позднее и, очевидно, раньше. Известно, что когда усунь утверждали свою власть на Тяньшане, то они вытеснили на юго-запад саков и юечжей, часть которых, прежде всего саки, заняла горные долины, лежащие к югу от Ферганы. Воздействие усуней на Фергану отмечается

для периода Давани. Памятники усуньского типа открыты в Фергане, культуру, которую они представляют, некоторые археологи (М. Е. Массон, Т. Г. Оболдуева) называют даваньской. Остатки той же усуньской культуры обнаружили в Ташкентской области на строительстве Ташкентского канала им. В. М. Молотова. Обнаруживший и изучивший эту культуру А. И. Тереножкин назвал ее бургулюкской по первому месту ее открытия.

Таким образом, воздействие усуней на западе было длительным и постоянным. Когда же на Тянь-шане окончательно закрепили свои позиции гунны, появившиеся здесь в 49 г. до н. э., а окончательно закрепившиеся в I—II вв. н. э., усунь сохраняются в составе кушанского государства, которому они дали династию и титулы власти (к кушанам перешел с усунями их титул власти—ябгу), и в Фергане, которая носит название области Хюсюнь.

На Тянь-шане исчезает название усунь (но не племена), в Фергане утрачивается название Давань. До начала н. э. идет процесс образования новых государственных форм Ферганы. Фергана приобщается к кушанскому государству как одна из самостоятельных и активных его частей.

В истории кушанского периода Ферганы значительную роль вначале играли усуньские племена, а затем гунны, которые оказались после разгрома усуней преемниками не только их территорий, но и носителями их политической функции. Они выступили как ближайшие соседи Ферганы, базировавшиеся на кочевом скотоводческом хозяйстве.

Кушанский период Ферганы — время расцвета рабовладельческих отношений. Экономике государства составляли те же отрасли хозяйства—поливное земледелие и скотоводство. Резко повышается значение горнодобывающей промышленности. Древние разработки сурьмы, например, в районе Хайдаркана, датируются предметами кушанского времени. Очевидно, что наличие рабов позволило широко развить горнодобывающую промышленность, связанную с тяжелым трудом. Рабский труд обеспечил и разрыв родообщинных связей, содействуя самостоятельному существованию отдельных патриархальных семейств. Последнее отчетливо подтверждается новым характером расселения, зарегистрированным археологическими исследованиями. Типичным для кушанского времени является расселение в отдельных укрепленных домах-замках, ныне выступающих в виде холмов «тепе». Кушанские укрепленные дома-замки расположены не так густо, как даваньские дома. Это не родовые общинные поселки, а отдельные патриархально-родовые семьи. Имея более «рассредоточенный» характер

расположения, чем даваньские деревни, они все же встречаются чаще, чем позднейшие феодальные замки.

Кушанские укрепленные дома занимают обширные площади и много новых территорий. По сравнению с даваньскими поселениями, кушанскими поселениями были заняты: вся равнинная Фергана, берега Сыр-дарьи и Кара-дарьи, не говоря уже о сплошь заселенных берегах горных рек. Дома представляли собой мощную башню, сложенную из крупного сырцового кирпича или блоков (пахсы), стоящую внутри огороженного стеной вала. Сам дом строился на высоком цоколе. Для этого часто использовались старые руины, например, разрушенные жилища даваньского времени. Иногда на таких возвышенностях, искусственных или естественных, возводилась кирпичная платформа из кирпича размером $50 \times 25 \times 10$ см, на площадке которой и строилось здание. Дом являлся местом жительства и обороны от врагов. Здесь сосредоточивалась повседневная жизнь, совершались религиозные обряды. Повсеместное распространение по Ферганае укрепленных домов свидетельствует о развитии ирригационной системы, благодаря которому земледельческие культуры появлялись на новых территориях. Изучая карты распространения кушанских поселений, исследователь видит, как продвигались кушаны, а с ними земледелие и ремесла в горные районы. Таковы памятники Алабукинского и Караванского районов Джалалабадской области Киргизской ССР к северу от Намангана (на южных склонах Чаткальского хребта). Кушанские «замки» встречаются в предгорьях Туркестанского хребта, к югу от него в Гульче, по верховьям Кара-дарьи за Узгеном и т. д. Наиболее высокогорное поселение кушанского времени отмечено нами на 104 км Памирского тракта в местности, близкой по высоте к границам древнего земледелия, около 2 500 м над ур. м. Еще дальше проникают образцы ремесленной продукции кушан.

Ремесло при кушанах также испытывает большой подъем и технический прогресс. Типична для Ферганы этого времени посуда, сделанная из хорошо отмученной глины, сильно прокаленная, с поверхностью, покрытой красной краской и хорошо залощенной. в ряде случаев сосуды покрыты тонким просвечивающим слоем лака. Техническое совершенство посуды, сделанной на гончарном круге, стандартные ее формы свидетельствуют о выделении ремесла из домашнего хозяйства, превращении его в самостоятельную отрасль производства. Эти три новых факта в экономике Ферганы кушанского периода: 1) горнодобывающая промышленность, 2) расширение земледелия на базе строительства новой ирригационной сети, связанной с использованием больших рек Ферганы, 3) развитие ремесла—породили условия для кушанской колонизации фер-

ганских окраин и развитой торговли. В этом—характерная черта экономики кушанской Ферганы. И очень важно подчеркнуть, что расцвет ее был тесно связан с широким внедрением в экономику рабского труда, с развитием рабовладельческих отношений.

Политическим центром Ферганы того времени являлся город Касан, по-китайски Гуйшань, т. е. Кушан, находившийся в Северной Фергане. Остатки его сохранились и поныне. Древний Касан стоял на стыке границ «кочевой» и «оседлой» Ферганы на последнем уступе Чаткальских подгорных долин, там, где Алабукинское плато переходит в равнинную Фергану. Эта вторая столица Ферганы (после города Эрши) как бы символизировала союз кочевников и земледельцев, союз военно-политической и экономической сил Ферганы. Древний Касан—это цитадель, сложенная из крупного сырцового кирпича на высокой платформе, окруженная мощными стенами и рвом. Город первоначально располагался на небольшой площади—всего 160 м на 120 м, а его цитадель занимала 60 м × 40 м. Мощностъ стен увеличивали обрывы уступа на берегу реки, носящей ныне имя Касан-сай, где стоял город. В цитадели находился храм с неугасимым зороастрийским, священным очагом типа «домов огня» (алаухана), от которого остался толстый слой чистого пепла белого цвета. Характерно, что Шахристан (автор XII в.) отмечал дом огня в Касане.

Внутри крепости располагались жилые помещения, сложенные из того же кирпича, продолговатые и перекрытые коробовым сводом. Для хранения продуктов жители города делали ямы цилиндрической или грушевидной формы. Кроме этого использовались врытые в землю хумы. Так, недалеко от Касана при строительных работах были обнаружены десятки хумов, закопанных в землю, в которых древние люди хранили свои продукты. Город-ставка, военнополитический, а не экономический, центр Ферганы,—Касан был строг по своей архитектуре и быту. Он возник на месте старого даваньского поселения еще во II в. до н. э., о чем говорят найденные на цитадели обломки типичных кушанских «бокалов», покрытых красной и черной краской. Касан просуществовал, очевидно, до первых веков н. э., когда пришел в упадок. Мы объясняем этот упадок переносом центра кушанского государства, быть может, на Зеравшан, в результате выдвигания юечжей и расширяющейся политической власти Хорезма. Фергана из центра (одного из многих) раннекушанского государства превращается в провинцию, и эта «провинциализация» выразилась прежде всего в упадке Касана.

Мы мало знаем о религии и вообще духовной культуре этого периода. Быт даваньцев отличался простотой и стро-

гостью. Почти нет украшений на предметах быта и, в частности, утвари. Редко попадается прочерченный резной криволинейный орнамент. Если для даваньского периода были еще характерны пережитки шаманистского культа, что показывают изображения Араванской скалы, то для времени кушан несомненно появление зороастрийской религии, о чем прежде всего говорит культовый очаг Касана. И много позднее зороастризм оставался основной религией ферганцев. Не случайно в районе Сох, у древнего городища Сары-курган, известно большое зороастрийское кладбище, а средневековый историк религии Средней Азии Шахристани писал о Касане, что его жители маги и огнепоклонники. Память об огнепоклонниках столь сильна, что и сейчас большинство памятников Ферганы доисламского периода приписывается местным населением «мугам», т. е. зороастрийским магам. И развалины Касана прежде всего несут имя Муг-тепе («холм магов»). Возможно, свидетельством зороастрийского культа является находка скульптурного изображения змей, найденная у Соха еще в 1899 г.

В кушанский период, несмотря на свою «автономию», Фергана оказывается втянутой в общесреднеазиатский исторический процесс. Об этом свидетельствует общесреднеазиатский тип ремесленного производства—керамики, зороастрийская религия и некоторые приемы архитектуры (сырцово-кирпичные стилобаты). Но этим, пожалуй, связь и ограничивается. В остальном, даже в формах проявления культа зороастризма, Фергана оставалась самобытна. Достаточно ясно об этом говорит отсутствие в Фергане какой бы то ни было терракоты—культовых статуэток, отображающих зороастрийский пантеон и местные культы в Средней Азии, столь характерные, например, для Согда и Хорезма.

Особенностью Ферганы и в этот период оставалось окружение ее кочевыми племенами, новыми владельцами Тянь-шаня и смежных территорий—гуннами.

Подобно тому, как ранее пришельцы—саки и усунь—испытывали на себе воздействие ферганской культуры, под влияние ее попали гунны. Гуннские памятники известны в сопредельных районах Ферганы, например, в Таласской долине (Кенкол, Беш-таш) и на западном Тянь-шане (Арпа). Следы проникновения гуннов имеются по северной Фергане вблизи Афлатуна, на юге в Исфаре, на западе в местности Ширин-сай, около фархадской ГЭС. Памятники гуннской эпохи Ферганы, как и Ташкентского оазиса, представлены катакомбами с труположением покойников, в расовом типе которых выступают явные монголоидные черты. В инвентаре с покойниками находится разнообразная посуда, как местных форм и вы-

делки, так и типично кочевые, приспособленные для выюка, баклажки. Анализ инвентаря ширинсайского могильника показывает смешение культуры кочевников-гуннов с местной культурой как ферганской, так, в значительной мере, и ташкентской. На связь с Ферганой указывает красное лощение, формы простого криволинейного орнамента, символизирующего, вероятно, образ текущей воды, с Ташкентским оазисом— прежде всего кубки с ручкой в виде зверя. Многочисленные катакомбы этого типа, открытые и исследованные в Ташкентском оазисе Н. П. Остроумовым, Г. В. Григорьевым, Т. Г. Оболдуевой и А. И. Тереножкиным и названные по месту основных находок «джунской» культурой, свидетельствуют о военном характере быта новых жителей этих районов, тесно связанных с местным населением.

Среди находок в Ширин-сае и древнекушанском поселении западной Ферганы—Мунчак-тепе, равно как на юге в Исфаре, выступают несколько отличные детали. Так, неоднократно находки китайских монет младшей ханьской династии (24—219 г. н. э.), проглядывают элементы оседлости и явное влияние Согда через пограничные с Ферганской областью Осрушану (центр в современном Ура-тюбе и Джизаке) и Шаш (Ташкентский оазис). Последнее отражается в известной по поселениям западной Ферганы (не восточней меридиана Ленинабада) терракоте.

Более сохраняли свой кочевой облик гунны межгорной долины Чон-алай. Эти гунны были известны еще Страбону и Птолемею под именем фрунов или тюрнов. Они жили под горами Имай (Имаус), т. е. под Заалайским хребтом у Памира. В долине Чон-алай в трех местах мы открыли гуннские погребения (Кургак, Кызыл-туу и Мааша), причем в последних двух случаях наблюдали очевидные следы скрещения с местным кумедским населением. Восточный и кочевой характер пришлого населения гуннов не подлежит сомнению. Об этом говорят монголоидный расовый тип, характер погребального сооружения и инвентаря, общий облик хозяйства и быта, в меньшей степени подвергшийся влиянию со стороны местных племен, чем в памятниках некрополя Ширин-сай и в джунской культуре.

Вторжение гуннов в Среднюю Азию, в частности, и в указанные районы было чревато усилением тюркского этногенеза. Начали складываться тюркоязычные группы племен и облик культуры, свойственный современному тюркоязычному населению Средней Азии, например, узбекам, особенно киргизам и казахам. Явно успешнее этот процесс протекал в горной Фергане, где ему благоприятствовала среда кочевого населения,

менее успешно—в равнинной Фергане, где гунны сильнее растворялись в местном населении.

Кушанские «замки» Ферганы выстояли против усуней и гуннов. Они выражали новую линию развития экономики Ферганы—рабовладельческий образ хозяйства. В военно-политическом союзе с кочевниками государство окрепло и обеспечило развитие страны, сохранило свою автономию. Но большой внешнеполитической роли Фергана теперь не имела. Сыграв значительную роль в генезисе кушанского государства, как объединении племен Средней Азии силами кочевников Тянь-шаня, Ферганы и Ташкентского оазиса, она уступила в дальнейшем первенство Хорезму и Согду, оказавшись отрезанной новой массой восточных пришельцев—гуннов. На этом, втором, гуннском этапе кушанская Фергана акклиматизирует у себя, и в значительной массе, на окраинах пришельцев гуннов, постепенно втягиваясь в русло тюркского этногенеза. Конец кушанского периода Ферганы III—IV в. является началом ее тюркизации, успех которой был определен событиями VI—VIII вв.

Глава IV.

МЕЖДУ ТЮРКАМИ И АРАБАМИ

«Местопребывание владетеля в городе Сигянь на северной стороне реки Чжень-чжу находится шесть больших городов и около ста малых».

Таншу

Западнотюркский каганат повторил усуньскую эпопею. Возникшее в конце VI в. в степях Семиречья и горах Тянь-шаня западнотюркское государство вскоре распространило свою власть на Фергану. «Столичной» долиной западных тюрков была соседняя с Ферганой долина р. Талас. Отсюда тюрки непосредственно через Кетмень-тюбе или Чаткал могли наступать на Фергану. О тесном взаимоотношении тюрков с Ферганой свидетельствуют их кладбища по южным склонам Чаткала, например, у горы Унгар на севере Наманганской области. О наступлении тюрков на Фергану в середине VII в. свидетельствуют и китайские источники. Фергана выступает под названиями Лона, Полона и Боханьна. В V в.—это второстепенный центр, изредка обменивавшийся посольствами с Китаем. Известно только посольство 479 г., когда ферганцы отправили своих знаменитых лошадей. Произошло это после

посещения страны усунь, Ферганы и Шаша китайскими посланниками Тун Юань и Гао Мин. В этих же сочинениях, китайских историях вэйской (386—580) и суйской (580—619) династий, дано, примерно, одинаковое описание Ферганы, и она отмечается под именем Бохань. Китайские авторы сочли необходимым отметить, что она в древности называлась Кюйсэу, титул правителя—чжаову (джабгу) и что в конце VI (?), начале VII в. ее правителем был некто Алици. Столицей был город окружностью в четыре ли (2 км). Трон владетеля представлял собой золотого барана, его жена носила венец (диадему). В стране добывалось много киновари, золота и железа.

В этом описании есть ряд черт, роднящих Фергану с Кучаром, где владетель сидит на престоле, сделанном в виде золотого льва, а голову повязывает лентой, как и западно-тюркский каган. Эта общность связана, вероятно, с подчинением Кучара и Ферганы тюркам.

Об активном вмешательстве тюрков имеются и прямые свидетельства. Так, в 627—649 гг. тюрк из рода шуниши по имени Ашина завоевал Фергану и поставил своего сына по имени Ебочжи владетелем в городе Гесай (тот же Касан), Фергана в этот период переживает двоевластие. В другой части Ферганы, на юге, в городе Хумынь (Кумыр?) сидит владетель из древнеферганской династии—Аляошень, в то время как на севере Ферганы находились тюрки. Династия кушанского происхождения правила непрерывно с III в. н. э. Не случайно, что когда тюрки, очевидно, временно, утрачивают власть над Ферганой в 659 г., область города Гесай была снова названа Хюсюнь, тем древним наименованием, которое она имела в догуннский период. Это «двоевластие» отмечает китайский источник VI в. (Путешествие Хой-Чо—726 г.), сообщая, что к северу от Сыр-дарьи область находится под властью тюрков, к югу—в зависимости от арабов (тезиков). В связи с этим делением Ферганы на две части — тюркскую и иранско-ферганскую, не следует ли Хумынь искать в южной Фергане?

Тюркское владычество подняло временно значение Касана как политического центра. Об этом повествуют и руины Касана. К востоку от старой части города строится «дворцовая» ограда из мощных стен укрепленных башнями. Стены огораживают подъем на площадку, идущий по каменному пандусу к центральной части сооружения. Площадка, обнесенная стенами и башнями, не застроена. Здесь, очевидно, стояли шатры и трон владетеля, господствующие над окружающей местностью и над старым городом. Последний тоже начал застраиваться, и остатки домов этого города с типичным инвентарем, например тюркской грубой керамикой, отмечены нашими раскопками. Начинает складываться четырехугольный план дома с

айваном. В строительстве, наряду с кирпичом, начинают использовать гуваяк и главным образом пахсу. Однако облик культуры намного бедней кушанского периода. Ухудшается качество гончарных изделий. Тюрки приносят с собой свою традицию домашнего ремесла—круглодонную грубую посуду, пригодную для открытых временных очагов. Посуда украшена налепным рельефным орнаментом в виде жгутов, рассеченных насечками. Нарушается общая экономика Ферганы. Изменяется постепенно тип расселения, характеризующий смену общественных отношений. На смену кушанским «замкам» выступают города как центры оазисов, объемлющие в своей жизни всю экономику оазисов. С Касаном—городом-ставкой и центром военнополитической силы начинает конкурировать экономический центр страны город Сигянь-Ахсыкег. Количество городов-оазисов, по свидетельству китайцев, не превышает 6, а всего по Фергане около 100 городов. Все это говорит о «централизации» края в отдельные владения, два из которых Гесай и Хумынь в начале VII в. обладали общеферганской политической властью.

Этот процесс «стягивания» поселений ясно прослежен был нами в Кувинском оазисе, где возникает город Кува, а в сельской округе над массой неукрепленных сельских поселений вздымаются руины феодального замка (Караван, Янги-наукатского района, Ошской области Киргизской ССР). Процесс образования городского типа поселения исследован на формировании города Некада (Наукага) на базе отдельных кушанских «замков». Кушанская подоснова этих городов прослеживается повсеместно в нижних слоях Узгена, Куршаба, в Кургашин-тепе, Акбуринском городище (Ошская область), Хакулабадских городищах (Андижанская область), Ахсыкете (Наманганская область) и многих других.

В экономике сохраняло большое значение скотоводство (верблюды, мулы, бараны, лошади), земледелие (в частности хлопок) и ремесло (ткачество, гончарство). Кушанская культура является ближайшим «предком» культуры ферганского средневековья. Переход к новому этапу был начат тюркским завоеванием.

Временное владычество тюрков, начинавшееся при западно-тюркском кагане Тунябгу в начале VII в., завершилось в 656 г. Затем, видимо, последовал временный перерыв и «реставрация» кушанской династии. Сколь долго она просуществовала, точно сказать трудно. Тюрки, опиравшиеся на свои плацдармы, в Таласе и Чаткале, не упускали из поля зрения Ферганы. Во всяком случае, после 659 г. Фергана управляется туземной династией. Она маневрирует в сложной политической обстановке конца VII и начала VIII в. Сложность положения объясняется

экспансией Танского Китая, временным возвышением в Восточном Туркестане Тибета, наступлением их на Среднюю Азию. Самостоятельность Ферганы подчеркивается титулом их владельца—ихшид, явно местного происхождения. Ферганцы защищают свою страну от арабов, которых вел в 715 г. на Фергану сам Кутейба. В Фергане Кутейба нашел свой конец, где и был похоронен. До сих пор его могилу местное население указывает в районе Джалал-кудука (Андижан). В борьбе с арабами ферганцы используют силы западных тюрков и китайских гарнизонов Восточного Туркестана. Однако эта опора на Китай была чревата для Ферганы временной потерей независимости. Два раза в течение VIII в. до 757 г. она входила в состав китайских префектур, однако зависимость была не столько фактической, сколько номинальной. Большое значение в Фергане имели не арабы, не китайцы, а тюрки. Не случайно, что в 739 г. чигиль (тяньшаньские тюркские племена) Арслан, князь и владетель ряда городов (о чем свидетельствует его титул, сохранный на колофоне манихейской рукописной молитвы в его честь), при поддержке кашгарского «градоначальника» Фумын Линча, с успехом атакует владетеля Таласа Тухосяня. Этот поход свидетельствует: 1) о возобладании тюркских владетелей Ферганы; 2) достаточной силе, способной противостоять таласским князьям, правда, изнуренным междоусобицами; 3) возвращении себе некоторой самостоятельности, следовательно, о малой политической роли и китайцев и арабов. Арслан, полное имя-титул которого Арслан Эль Тиргюг Алп Бургчан Алп Таркан бег, по-китайски Асилань Дагань чжу, возвратил Фергану тюркам и окончательно прервал господство старокушанских династий. Он был признан Китаем, получив от них княжеский титул, его владения были переименованы во владения «Нинюань» (т. е. буквально «далекие и тихие»). В 744 г. Арслан утверждает ставку в новом центре на берегу р. Чженьжу («жемчужной» реки), т. е. Сырдарья, именовавшейся в тюркских источниках Йенчу-угуз. Фергана под властью тюркской династии поддерживает мирные отношения с Китаем, о чем свидетельствует не только брак Арслана на китайской царевне Хои, но отправление преемником Арслана Чжунцзе своего сына Сеюй-я в 771 г. в Китай с просьбой «оставить его в придворной службе для изучения китайских обрядов».

Хотя арабы оставляли в Фергане, как и в других местах, своих наместников, исполнявших роль военачальников и сборщиков податей, ферганцы, опираясь, очевидно, на силу тюркских племен, сохраняли свою независимость. В 712—722 гг. ферганский царь оказывает приют согдийским эмигрантам, предоставляя им местность в Исфаринском округе. Следы

этой согдийской культуры (зороастризм) известны не только в этой местности, но и к востоку, в Сохе (Муг-курган и зороастрийские кладбища), а также отмечены нами и по северу Ферганы, в районе Касана и Каравана. Однако арабы не оставляют мысль вернуть себе Фергану. В 724 г. мы видим наместника Муслим б. Саида на границах Ферганы, где он был разбит тюрками, оказывавшими поддержку не только согдийцам, но и ферганцам. Быть может, о нем и гласит текст Хой Чао, который мы выше цитировали.

Только ослабление тюрков в 739 г., когда Арслан Таркан разбил таласского кагана Тухосяня, позволило другому наместнику, Насру б. Сейяру (738—748), заключить договор с Осрушаной, Шашем и Ферганой и послать наместников. Арабы умело воспользовались уроном, который понесли тюрки после разгрома их столицы Суяба в 748 г., и ферганский ихшид обращается за помощью уже к китайцам, а не к тюркам.

При Мансуре (754—775) ферганский царь жил даже в Кашгаре и вынужден был платить дань. Однако ферганцы не принимают основные требования арабов—признать ислам. Только при халифе Махди (775—783), когда ферганский царь временно находится в Касане, он в результате похода Ахмеда б. Асада принял формально подданство. Однако уже при Харуне ар-Рашиде (786—809) арабы снова были вынуждены организовать поход в Фергану, в которой уже расправлялся карлукский ябгу (90-е годы VIII в.).

Однако Фергана сохраняет свой «строптивый» характер и в начале IX в., когда ее жители выступают на стороне антиаббасидского восстания Рафи 806 г.—на стороне жителей Осрушаны, Бухары, Хорезма и других областей. В этом восстании, продлившемся до 810 г., принимали участие уйгуры (токуз-огузы), карлуки и даже тибетцы.

Не случайно в последующие годы арабам приходилось, видимо, неоднократно организовывать походы в Фергану.

Выпутавшись из сложной обстановки первой половины VIII в., Фергана сохранила свою самостоятельность, ознаменовав, однако, ее двумя новыми явлениями: 1) в части этногенеза—отюречиванием местного населения, 2) в социально-экономическом отношении—переходом к феодальному способу производства. Характерно, что многочисленные этнические связи Ферганы, и прежде всего тюрко-китайские, отмечены и археологическими данными. При раскопках в Алайской долине могильника Ку-кяльда VI—VII вв. были встречены представители всех расовых типов, действовавших на территории Ферганы (западносибирский, тюркский, севернокитайский и т. п.). Явно намечается победа тюркского этногенеза—сложение ферганской группы узбеков. В VII—VIII вв. продолжают те про-

цессы, которые были под воздействием гуннов во II—IV вв. н. э. Стабилизируется тюркский этнический тип. Закладываются основы формирования современной тюркоязычной группы Ферганы—предков ферганских узбеков и кыргызов.

Пестроте этнического состава соответствовала и пестрота религиозных убеждений. Наряду с зороастризмом, отмечается буддизм (могильник Ку-кяльда в Алае). Упомянутый выше Арслан был манихеем и вряд ли единственным представителем этой дуалистической секты. Проникновение арабов проложило дорогу для наступления мусульманской религии, впоследствии победившей.

Выше мы касались тех примеров, которые характеризовали победу нового способа производства—феодалного. Центром Ферганы становится Ахсыкет. Его основные черты—цитадель и шахристан—явно сложились к этому периоду.

Ахсыкет расположен на правом берегу Сыр-дарьи. Его цитадель, стоящая в югозападном углу города, возвышается метров на 50 выше реки. Используя обрывистый берег и глубокие овраги с востока и запада, строители города обнесли шахристан еще рвом и стенами с башнями посередине стен и на углах. Рабад был сильно укреплен стенами с башнями, стоящими через каждые 50—100 м. Город господствует над Сыр-дарьей и явно опирается на экономику этого района. Подъемный материал свидетельствует о богатых и разнообразных ремеслах (стекло, гончарство, металлургия). Это был и экономический, а не только военно-политический центр, как старый Касан. Не случайно в начале VIII в. исчезает Касан, уступая свое место третьей столице Ферганы— городу Ахсыкету. Изменились не только столицы. Изменился общественный уклад. Началась история феодальной Ферганы.

Глава V

СТРАНА ТРЕХ ОБЛАСТЕЙ

„Макдиси насчитывает в Фергане 40 городов и селений с соборной мечетью ... причем разделяет города, кроме столицы, на три категории, на Миян-и-Рудан...Несайские...и Вагизийские“.

В. Бартольд.

Весьма неясной остается политическая история Ферганы в IX—X вв. Известно, что Фергана входила в состав саманидского государства Средней Азии, центром которой являлась Бухара. Более того, саманид Исмаил б. Ахмед Наср проис-

ходил из области Хатлам (Кетмень-тюбе), т. е. фактически был ферганцем. Монеты, чеканенные в Ахсыкете, показывают, что, возникнув как столица в середине VIII в., он продолжал оставаться ею в продолжении еще двух веков. Поход в Фергану уйгуров в начале IX в. (между 808 и 820 гг.), как мы видели выше, не внес в ее исторические судьбы сколько-нибудь значительных изменений. Традиция не прекращалась. Фергана оставалась важным звеном в истории Средней Азии, выступая, правда, как ее окраинная, но весьма важная часть. В эту пору усилилась экономическая роль Ферганы. Как и во время кушан, Фергана оказывает сильное влияние на восток, несравненно большее, чем на юг. С карлуками и ягма Тянь-шаня она нашла более общий и мирный язык, чем прежде. На западном Тянь-шане, в районе р. Алабук мы еще в 1945 г. открыли следы колонизационной деятельности ферганцев. Они были строителями крепости и поселения, известных ныне под именем Ширдакбек. Эта колония ферганцев возникла, очевидно, раньше рассматриваемого периода, всего вероятнее в VI—VIII вв. Но в VIII—X вв. они жили на Тянь-шане, о чем свидетельствует богатый инвентарь в поселении ремесленников, обнаруженном рядом со ставкой тюркской знати. Влияние высокоразвитого ремесла Ферганы отмечено нами и в самобытной стране, каковой являлся Хатлам (или Хайлам), по течению Нарына, современное Кетмень-тюбе, занятое тогда карлуками.

Развитие городского и сельского ремесла документируют не только свидетельства письменных источников, указывающих иногда специализацию отдельных центров, но и археологические источники. Это развитие экономики не нарушали частые и не прекращающиеся походы мусульман, как аббасидов, так и среднеазиатской династии саманидов.

Власть наместников была весьма слабой и ей приходилось считаться с местными условиями. В таком положении были и арабские наместники и наместники из среды местных династий, как, например, правитель Ферганы Ахмед сын Асада, назначенный в Фергану Хорасанским наместником Гассан б. Аббадом (819—821). Однако Ахмеду удалось закрепиться в Фергане, о чем свидетельствует тот факт, что власть в Фергане была передана его брату Нуху (в 826—827 гг.), хотя сам Ахмед оставался в Фергане. После смерти Ахмеда власть находилась в руках этой семьи и Ферганой владел его сын Абуль-Аш'ас (864). Однако в этот период власть потомков асадов была временно нарушена, ибо тахирид Ахмед б. Абу-Халид, восстанавливая власть Ахмеда б. Асада, изгонял из Ферганы «врагов веры», очевидно, тюрков-карлуков. На этом основании

В. Бартольд считает, что окончательное покорение Ферганы, ознаменовавшееся взятием Касана и Ураста, связано с Нухом б. Асадом, при халифе Мунтасире (861—862 гг.). Очевидно, с этого времени происходит исламизация Ферганы, которая является родиной основателя династии саманидов Исмаил б. Ахмеда (род. 849 г.). Но Фергана была не только родиной основателя саманидской династии, но базой восстания 922 г. Ильяса б. Исхака. Впрочем, такие эпизоды в ее истории этого периода не столь уже многочисленны. Можно лишь напомнить Абу Се'ид Бекр б. Малика-Фергани (пятидесятые годы X в.), который занял место повстанца Абу-Али наместника Хорасана, прославившегося союзом с эмирами Хуталля (Таджикистан), Рашта (горная Фергана) и Кумиджиями (Чон-алай — Каратегин). Во всяком случае, в течение X в. Фергана, как часть саманидского государства, стала мусульманской и, приобщенная к среднеазиатской культуре, не становилась ее антиподом. В государстве саманидов она играла большую роль как экономический, но не политический центр.

В районе Соха, Некада и других, главным образом южных областях, была широко развита горнодобывающая промышленность. Здесь добывались ртуть (Сох), золото и серебро (Некад), нашатырь, смола, асбест, бирюза, железо, медь и свинец (в Несайской области). Рудники были и в северной Фергане; так, например, около Ахсыкета добывалось серебро и золото. В IX—X вв. из Ферганы, как и из Испиджаба, наряду с тюркскими рабами, по свидетельству Макдиси, вывозились белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо. Ферганские металлические изделия, особенно оружие, находили себе сбыт даже в Багдаде.

Ремесленная продукция представлена и археологическими находками. Общая традиция монохромной и неорнаментированной керамики была нарушена. Появляются общесреднеазиатские черты. Улучшается полива. Если красное лощение кушан было постепенно вытеснено тусклой поташной (ишкорной) поливой, то теперь она сменяется металлическими глазурями, также не вытеснившими до конца кушанскую традицию лощения. Прежняя техника изготовления парадной кушанской посуды сохраняется в домашней лепной посуде. Станковая парадная посуда ремесленного изготовления расписывается красками и покрывается глазурями. Часто расписная посуда в Фергане употреблялась в быту и без покрытия глазурями. В IX—X вв. изживаются кушанская техника лощения, рисунок без поливы, раскраска сосудов и резной орнамент, в тематике орнамента — геометрические узоры. Характер орнамента, его сюжет свидетельствует об индивидуальном исполнении украшений. Сочетаются станковая посуда и ручная лепка, свидетельствующие

о новом, хотя и временном, расцвете домашнего ремесла, Особенно ярко домашнее ремесло проявило себя в окраинных поселениях Ферганы, особенно в Кетмень-тюбе. Здесь чаще, чем в других местах, наблюдаются семиреченские, карлукские формы. Видимо, ремесла тогда еще не проникли из центральной части городов на периферию, хотя и начали на нее наступление.

Во всех крупных оазисах развиваются города, центры оазисов, имеющие в ряде случаев ясно выраженную политическую самостоятельность. Особое развитие получают города юга Ферганы вдоль Туркестанского хребта. Этот район был наиболее мощной частью страны.

Юг Ферганы выступал в качестве экономически самостоятельной области с многочисленными городами под названием Несайской. Восток Ферганы между реками Нарыном и Кара-дарьей именовался Миян-и Рудан, север Ферганы составлял Вагизийскую область.

Согласно авторам X в. (Худуд-ал-Алам, Макдиси), состав областей был следующий:

По главной дороге из Ходжена в Ош, проходившей по югу Ферганы, находились города Кенд (Каниябадам), Сох, Риштан, Зендерамш и Куба (Кува). Город Куба был столицей особого округа и считался вторым по величине городом в Фергане после Ахсыкета, превосходя по размерам город Ош. По количеству воды и садов, как сообщает Макдиси, он был даже больше Ахсыкета. Уже в X в. (Ибн Хаукаль) город имел цитадель, шахристан и рабад, причем дворец, базар и тюрьма были в рабаде. Указанные города являлись центрами, если не политическими, то экономическими, больших областей. Так, к Соху тяготело около 60 селений. Около Риштана находились города Коканд и Ванкет, причем последний по размерам не уступал Риштану. Большое количество городов — Маргинан (Маргелан), Беренг, Уштикан, Андукан (Андижан) и другие — было около Зандерамша, связанного с областью Нижняя Несья, т. е. равниной Ферганой. Для X—XII вв. из этих городов наиболее крупным был, пожалуй, Маргинан. Даже при Бабуре (XV в.) он оставался в числе семи крупнейших городов Ферганы.

В горной части южной Ферганы, как бы третий параллельный ряд по отношению к городам караванной дороги Кенд-Кува и к Нижней Несье (Маргинан, Андукан) располагались горные округа: 1) Испара (Исфара), с городами Тамахуш и Бамкахуш в 5 фарсах от Соха, знаменитые своими месторождениями каменного угля, 2) Аувал в 10 фарсах от Оша, к югу от Маргинана и 3) Некад (Наукат) в 7 фарсах от Кувы с городом Мискан.

За Кувой начинался длинный переход в 7 фарсахов до г. Ош. По дороге был город Урест (вышеупомянутый город Эрши), а к востоку от города Ош город Куршаб на пути в Узген. О городе Медва мы уже выше говорили. Ош, как и Узген, считался «пограничным городом» и был по величине третьим городом Ферганы (после Ахсыкета и Кувы). Узген в IX—X вв. равнялся $\frac{2}{3}$ города Ош. И Ош и Узген уже имели в это время цитадель, шахрисган и рабад и были обнесены стенами. Город Узген был еще в IX в. владением тюркского князя (Чуртегина) и находился на важной дороге, соединявшей Фергану через перевал Яссы и Кугарт с Тянь-шанем, в частности с городом Атбаш. Сам Узген входил в состав другой области Ферганы — Миян-и Рудан.

Междуречье Миян-и Рудан (Нарын и Кара-дарья) до сих пор сохранилось в местном названии «Ики су арасы». Это был район, который, считаясь пограничным с тюрками, имел города Узген, Бискенд, Селат, Хефтдех «семь селений». Лишь в X в. его завоевали мусульмане. Главным центром этой области был Хайлам (Кетмень-тюбе), очевидно, резиденция карлукских правителей. Из Хайлама происходил саманид Абуль-Хасан Наср, старший брат Исмаила Самани. Местоположение городов Миян-и-Рудан плохо поддается отождествлению. Славящееся своими орехами селение Шикит, по-моему, соответствует Арсланбобу и городищам Кара-ункур. Бискенд, очевидно, соответствует современному кишлаку Избаскенту: Селат,—быть может, Коканд-кишлаку. Тогда Хефтдеху должны соответствовать многочисленные руины между Массы и Кугартом (Акман. Чука-тепе). К северу от Массы (Избаскента) до Нарына вдоль гор древних селений нет. Остается неясным, каким образом от Ахсыкета в 9 фарсахх было селение Шикит. Быть может, этот путь шел через горы, через современное селение Гава, или Шикит был в подгорной части, в районе того же бассейна рек Массы и Тентяк-сай, связанных горными перевалами с ореховыми лесами Арсланбоба.

К группе вагизийских городов относились прежде всего Ахсыкет, который к X в. имел уже цитадель (с дворцом и тюрьмой), шахристан (с соборной мечетью и базаром) и рабад, где также были базары. Город был хорошо орошен и имел много хаузов, следы которых и поныне остаются на городище. Хуже сохранились ворота шахристана: мердкушийские (как и в Бухаре), очевидно, западные, касанские (восточные, следы которых остались), соборной мечети (южные, поскольку мечеть была недалеко от цитадели), следы которых также намечаются руинами, и ворота «рихаха» (залога)—видимо, северные, если руководствоваться методом исключения, у северной башни шахристана. Три фарсаха окружности города указывают, если

принимать эту цифру за относительно точную, что в состав Ахсыкета X в. входили его пригороды, занимающие действительно огромное пространство от восточной стены до Тешик Яра к северо-западу. Во всяком случае длина города в 2,3 км (одна миля) соответствует длине руин, расположенных в указанной территории на высоких берегах (над поймой). Если учесть (а есть основание считать — по Бартольд), что часть города была на левом берегу реки Сыр-дарья, то, действительно, окружность города в 3 фарсаха (18 км) вряд ли преувеличена. Напомним, что периметр древнейшей части Ахсыкета равен 2 км, а ко времени X—XI вв. что мы лично успели зарегистрировать, окружность развалин достигала 6 км.

От левобережной части города начиналась прямая дорога в Коканд, другая проходила через город Баб (букв. «ворота», возможно, современное селение Пап, хотя название может быть более старым, доарабским). По дороге в Ходженд были города (от Ахсыкета на запад): 1) Баб (4 фарсаха), 2) Турмукан (3 фарсаха), 3) Хаджистан (7 фарсахов), 4) Самгар (4 фарсаха), Ходженд (5 фарсахов), — всего пять городов на 23 фарсаха, т. е. примерно 140 км, что отвечает действительности. В районе Баба (современные развалины Айритам, Мончак-тепе и Белед-тепе в районе колхоза «Узгарыш») была, очевидно, переправа на Коканд, но в данном случае показаны города правобережные, т. е. путь шел прямо на Ходженд, минуя Коканд. В этом же районе, очевидно, на пути в Илак (Ангрен) находилось селение Ванкент в 7 фарсах (40—45 км) от Ахсыкета.

Кроме Касана, о котором уже шла речь и где до начала IX в., т. е. до полной победы мусульман, находилась резиденция (очевидно, временная) ферганских царей, упоминаются «округи Неджм и Керван с городами того же имени и округ Джидгиль с городом Ардланкет» (В. Бартольд).

Неджм был ближе к Касану (к северо-востоку от него в расстоянии одного дневного перехода). Округ Неджм мы отождествляем с развалинами Алабукинского плато (Кош-терек, Актеле и другие), река Патша-ата была, вероятно, границей округа Неджм с Керваном. Кервану соответствует современный Караванский район, где руины тянутся по направлению к Афлатуну, Джидгиль с городом Ардланкет мы, в согласии с Бартольдом, относим к Чаткалу.

Упоминаемые Макдиси (X в.) селения и города неправильно размещены по областям. Насрабад, очевидно, находился в Кетмень-тюбе, области Хайлам, откуда происходил Абуль Хасан Наср, и не случайно город по Макдиси, помещен в области Миян-и Рудан. Ренджед и Заркан мы отождествляем с селениями этих же названий к северу от Намангана. Тисхан (большой и многолюдный город в области Вагизи) может

соответствовать большим руинам Янги-кургана, Бешбашан (Миян-и Рудан) — Бешкапа (у Чартака), где также большие руины. Фараб на берегу р. Сыр-дарьи можно отождествить, пожалуй, с развалинами против современного Уч-кургана. О других городах мы не имеем ни ориентировочных указаний о их местоположении, ни соответствия их названий с современной топонимикой. По Макдиси, Фергана насчитывала сорок селений с соборной мечетью и сами селения отличались большими размерами. Эти указания подтверждаются археологическими данными, где многочисленные тепе и городища отмечают действительно большую протяженность селений. Ее отмечают также сохранившиеся замки-кешки, тянущиеся иногда свыше километра (Ак-ман, Чука-тепе и другие). Среди этих скоплений древних кешков и складывались средневековые города, чему лучший пример топография города Некада (Наукага). Впрочем, таких примеров можно было бы привести десятки.

Города средневековой Ферганы уже IX—X вв. сосредоточились в равнинной части. Здесь проходил торговый путь на восток. Он шел через южную Фергану, направлялся из Кувы через Урест в Ош, далее вел на Куршаб и Узген. От Узгена путь шел уже вне городских поселений. Он поднимался по реке Яссы на перевал того же названия и выходил на Тяньшань или к городу Каджингарбаши и на Атбаш или через перевал Джаман-даван и Тургарт к Кашгару. Это была международная трасса. Внутренние пути по Фергане разветвлялись на юг в Чон-алай через перевал Тенгизбай, часть проходила до селений Исбаскент и направлялась через Арсланбоб в область Хайлама (Кетмень-гюбе), где дорога выходила к Нарыну, к месту слияния с последним правого притока Узун-ахмат. Около современного Уч-кургана была переправа на правый берег Нарына — Сыр-дарьи, что отмечено большими городищами — древними поселениями на этом берегу. Кроме основных путей, было много мелких дорог, соединявших главные городские центры с оазисами. В основном эти дороги были меридионального направления вдоль горных рек, по которым отмечены селения и караван-сарай, тянущиеся почти до самых перевалов. Напомню путь из Оша в Алай, на котором стоял город Медва (современ. Мады-кишлак), караван-сарай и селения у селения Шалтак и другое небольшое селение (караван-сарай?), развалины которого, Лянгар, находятся не доезжая 10 км до перевала в Алай-Чигирчик. Такие же укрепления и селения находятся и по другой магистрали из города Ош, по Ак-буре, от Узгена по Карадарье и т. д.

Экономика феодальной Ферганы окончательно сложилась

в IX—X вв. Фергана мало чем отличалась от своих мощных соседей на западе — средневекового Шаха, Осрушаны и Мавераннахра. Это сказывалось в типах оазисов с крупным центральным городом, большой сельской округой, разделенной на рустаки (волости), оборонительными сооружениями, представленными в Фергане не столько стенами, как в Мавераннахре или даже в Семиречье, сколько крепостями. Густая населенность Ферганы сокращала сеть рибатов — военных поселений и караван-сараев. Их заменяли густо расположенные и большой протяженности (до одного дня пути) селения. В городах складывались торгово-промышленные предместья — рабады, которые, как, например, в Ахсыкете, были также обнесены стенами города.

Некоторой особенностью городов Ферганы являлась их топография. В целях лучшей обороны города часто располагались целиком или в значительной части на адырах, холмах. Занимая всю площадку адыра, отделенного от другого адыра глубоким саем, они членились на несколько самостоятельных частей. В таких случаях город состоял как бы из нескольких шахристанов. В нем труднее обнаружить без специальных раскопок, и особенно в тех местах, где он застроен современными постройками, его древние составные части. Так, совершенно «исчез» под современными постройками древний город Ош, древняя топография которого почти не поддается четкому различению. В наибольшей степени сохранился средневековый гуристан (кладбище) города Ош, расположенный на склонах горы Сулейман-тау. Город Ош очень славился в X в., и слава его не прекращалась и позднее, когда он получил эпитет «лучший из городов» (Хайр-уль Бульдан). Слава о его климате, богатстве переплеталась с указаниями местных жителей о том, что якобы на горе Тахт-и-Сулейман, покоится прах пророка Соломона. Издавна обожествлялась эффектная скала, находящаяся в центре города. Не случайно, что одни из ворот города были связаны с воспоминанием о магах — зороастрийских жрецах. Известно, что на горе, где по указанию Истахри, в середине X в. была сторожевая башня, позднее располагались могилы знати, как караханидов, так и более поздние, первой половины XIV в. Рассеченность из-за адыров характерна для Узгена, в котором отмечены три площадки шахристанов; в средней из них был арк, а рабад находился там, где теперь современный город Узген. Один из шахристанов, восточный (по нашей терминологии «шахристан III»), был уже при караханидах (XI—XII вв.) заброшен и обращен в кладбище.

Период IX—X вв. для Ферганы связан с расцветом ее экономики и культуры. Ярким показателем последней являются

ся вышедшие отсюда ученые. Среди них наибольшей известностью пользуется астроном IX в. Абуль Аббас Ахмед б. Мухаммед б. Кадыр аль-Фергани и два астронома, тюрки по происхождению, — аль-Тюрки и его сын Абуль Хасан, жившие и работавшие в конце IX и начале X вв.

В последующее время Фергана приобретает новое значение в истории Средней Азии. Она выдвигается как политический центр.

Глава VI

ФЕОДАЛЬНЫЙ УДЕЛ

„Лучшей эпохой для Узгена было время первых караханидов, когда Узген был столицей Мавераннахра“.

Бартольд, Туркестан.

Если при саманидах Фергана несомненно утвердила свою роль в экономической и культурной жизни Средней Азии, то при караханидах она выступает в роли важного политического центра. Эту роль она обрела с утверждением тюрков в Фергане. Тюрки являлись издавна военно-политической силой Ферганы. Борьба мусульман с тюрками уже отмечалась выше. Область селений Хефтдех только в X в. была завоевана мусульманами, а Узген в IX в. еще принадлежал тюркскому царевичу. При караханидах тюрки возвращают свою власть в Фергане, и в старинном тюркском городе Узгене первые караханиды утверждают свою столицу. Однако свое экономическое положение, достигнутое в саманидское время, Фергана удерживает и при караханидах. Даже Ахсыкет не теряет еще некоторое время своего политического значения. Напомню, что наряду с монетами саманидов, битыми в Ахсыкете (например, фельс Насра II и Мансура сына Нуха), известны монеты как ахсыкетской чеканки, так и наиболее ранние—узгенские. Наиболее ранняя монета Ахсыкета относится к 247 г. хиджры (861/2 гг.), а наиболее поздняя—к 460 г. х. (1067/8 гг.). Следовательно, Ахсыкет и при караханидах сохранял свое политическое место. Наряду с ним следует отметить, но в гораздо меньших количествах, чекан Касана (429 г. х. — 1037/8 гг.) и Маргинана. Судя по монетным данным, караханиды уже владели Ферганой в 393 г. хиджры (1002/3 гг.).

Если согласиться с мнением некоторых исследователей, что средний узгенский мавзолей относится к одному из первых илеков, Насру б. Али, правившему 389—400 гг. хиджры (998/9 — 1009/10 гг.), то завоевание караханидами Ферганы следует отнести ко времени утверждения их власти в Средней Азии (999 г., взятие Бухары). Монеты того времени, битые в Узгене, не говоря уже об ахсыкетских, это подтверждают.

Произведенные нами в 1945 г. исследования Узгена и вскрытие совместно с архитектором Н. М. Бачинским фундамента среднего мавзолея также говорят в пользу этого положения. Раскопки показали, что когда-то средний мавзолей, неоднократно впоследствии перестраивавшийся, приближался к ранним образцам среднеазиатской архитектуры, так называемым центрическим мавзолеям. Он имел равносторонний план и декор из фигурной кладки кирпича и неполивной резной терракоты, следы которых были обнаружены на боковых стенках (южной). Во всяком случае, после взятия Бухары Наср б. Али (как и отпрыски его династии), после похода в Мавераннахр вернулся в Узген. Уже тогда, будучи лишь удельным правителем Мавераннахра, он владел Узгеном как столицей этого удела.

Уже на первых этапах караханидского времени Фергана становится в центре политических событий. Речь идет об антикараханидском восстании Мунтасира, который, будучи заключенным в узгенскую тюрьму, бежал оттуда и начал восстание. В Узгене же, после подавления восстания (начало XI в.), были заключены его братья и приверженцы. Известно, что заключение дружественного союза между караханидом Насром и правителем Махмудом Газневи происходило в 1001 г. в Узгене. Наср преподнес Махмуду подарки, показывающие богатства Ферганы. Среди этих подарков были добычи рудников, мускус, кони и верблюды, рабы и рабыни, белые соколы, черные меха, рога хуту, нефрит и китайские драгоценности.

Узген был в центре и межфеодальных усобиц. Около него разыгрывалась борьба в 1016 г. между Арсланханом, владельцем Бухары, и Туганханом, владельцем Кашгара. Представляется возможным утверждать, что к 20-м годам XI в. Фергана была поделана между двумя правителями: Туганханом, который еще в 1026—27 гг. чеканил монеты в Ахсыкете, и Кадырханом, который владел Узгеном, где и чеканил свою монету (1025 г.). Однако, судя по тому, что Кадырхан уже с 1029 г. чеканит свою монету и в Ахсыкете, Туганхан был окончательно изгнан из Ферганы.

В Узгене обретает некоторое время приют сын первого илека Насра, известный под титулом Бури-тегин, восставший против правителей Мавераннахра, но уже в 1038 г. удалившийся в область кумедов. Свидетельством периода Бури-тегина является надпись на скале в Варухском ущелье между Исфарой и Варухом 1041 г. (29 декабря) в честь «славнейшего тегина, мудрого и справедливого начальника Муызз-ад Дауля Арслан-тегина Абуль Фазл Абасса» (внука илека

Насра), правителя Исфары. Надпись свидетельствует, что не только Средняя Азия, но даже Фергана была поделена на уделы между членами рода династии. Борьба за Фергану продолжается и позднее—в 70 гг. XI в., например, между караханидом Шемс ал-Мульком и сыновьями Кадырхана Юсуфа (Тогрул Карахан Юсуфа Бограхан Харун), во власти которых оставалась эта область. Это подтверждается и нумизматическими данными, отличающими смену династий, судя по монетам, битым в Ахсыкете и Маргинане.

Значение ферганских деятелей в караханидском государстве было весьма велико. При караханиде Ахмеде (племянник Шемс аль-Мулька, сын Хызра) был казнен везир, касанец по происхождению (главный казий при Хызре). При нем началось династическое восстание, возглавленное сельджукским султаном Мелик-шахом в 1089 г. и дошедшим до Узгена. Но после признания кашгарским караханидом его силы, Мелик-шах вернулся обратно в Хорасан. Вторичный приход Мелик-шаха был вызван восстанием тюрок-чигилей в Самарканде, опиравшимся на помощь племен Кашгара и Тяньшаня. Поход опять завершился около Узгена, где был заключен и мирный договор между Якубом, правителем Атбаши (Тяньшань) и Мелик-шахом.

Не только в XI в., но и в XII в. Узген сохраняет и, видимо, укрепляет свои позиции в качестве столицы Ферганы. Об этом прежде всего свидетельствуют прекрасные памятники архитектуры северный и южный мавзолей, 1152 и 1187 гг.

Первый, северный, был поставлен над прахом караханида Али Кылыч Тогрул Карахакана Хусейн ибн Али (чтение А. Ю. Якубовского), имевшего значение местного Ферганского владетеля. К этой же династии Ферганских владетелей относился, видимо, и другой караханид, возможно, Кылыч Тамгачхан, погребенный в южном мавзолее. Монеты его чеканились в Узгене с 1165 г., и в Самарканде известны до 1199 г. В титуле упомянутого первого правителя характерно сохранение тюркского имени—титула, сочетающегося с арабским.

Феодалная культура расцвела при караханидах. Это отражает, прежде всего, архитектура культовых мусульманских зданий, достигшая при караханидах особенного расцвета; пример, упомянутые мавзолеи.

В начале XIII в. Узген был утрачен караханидами, и каракитайский гурхан хранил в Узгене свою казну. В 1210 г. в Узгене уже хозяйничает узурпатор Кучлук. Однако и ему не удается, как и каракитаям, закрепиться в Фергане, и в 1211 г. мы видим там относительно самостоятельных эмиров, подчинявшихся скорей Хорезмшаху Мухаммеду, чем семи-

реченским владыкам. Об этом свидетельствуют и события 1214 г., когда северная Фергана была по приказу Мухаммеда опустошена, чтобы не досталась Кучлуку.

Эти мероприятия Мухаммеда знаменуют начало экономического и политического кризиса Ферганы, продолжавшегося там в течение многих веков, особенно с монгольского завоевания.

Как это было видно из краткого очерка политической истории Ферганы в караханидский период, она не только сохраняла завоеванное ею в IX—X вв. экономическое положение, но усилилась и политически.

Сложившиеся к X в. экономика и культура Ферганы мало чем отличаются от времени караханидов последующих веков. Особое значение приобретают отдельные города, сильно расширившиеся в это время. Наши наблюдения над топографией Узгена (экспедиции 1941, 1944, 1945 гг.) показывают очень большое расширение рабада, массовое строительство духовных и светских зданий государственного значения, в частности постройки из обожженного кирпича. К этому времени относится строительство минарета в Узгене, трех упомянутых выше мавзолеев. В них проявлены первоклассная техника и опыт зодчих Мавераннахра. Стены порталов мавзолеев, украшены неполивной резной терракотой высокого мастерства, насыщенной сложным геометрическим, растительным и буквенным орнаментом. В рабаде Узгена известны остатки водопровода и, быть может, канализационной системы в виде галлерей, сложенных из квадратного обожженного кирпича, остатки которых известны в районе современного базара.

Шахристаны и арк Узгена были обнесены стенами и густо заселены. Многочисленные археологические находки керамики и монет свидетельствуют об оживленной жизни. В керамике господствует глазурь, причем для Ферганы преобладают зеленый и желтый цвета подглазурной росписи, исполненной в размашистой, несколько расплывчатой манере. Богатство керамического производства документируется находками от Узгена до Мунчак-тепе (Фархадстрой). Сильное развитие города наблюдали мы и по руинам Ахсыкета. Здесь торгово-промышленные предместья росли к северо-западу от старой части города, в местности между Угра-яром и Тешик-яром. Обилие керамики и разнообразных шлаков характеризует эту область расширения города в XI—XII вв. Еще более показательную картину раскрыла нам разведка в районе средневекового города Баб. Здесь особо интересны гигантские неукрепленные поселения ремесленником (Белед-тепе, Мунчак-тепе), где на площади в десяти гектаров видны сырье, полуфабрикаты и готовая продукция гончаров (Мунчак-тепе) и кузнецов (Бе-

лед-тепе). Глина, штыри для керамических печей и остатки печей, образцы посуды в изобилии покрывают холмы Мунчак-тепе. Особенно характерна и типична здесь серая штампованная керамика с рельефным узором. Керамика по своему тону не похожа на хронологически предшествующие образцы и керамику восточных городских центров Ферганы, а, с другой стороны, так сходна с керамикой Мавераннахра и сельджукского Хорасана, что напрашивается вывод о происхождении ремесленников этого центра из Мавераннахра. В нескольких километрах от Мунчак-тепе, также на правом берегу Сырдарьи, находится поселение Белед-тепе, в котором жили ремесленники-кузнецы. На поверхность выходят остатки горнов, в изобилии—железная и медная руда, шлаки, наглядно указывающие на широко развитое здесь ремесло.

Такое разделение селений по производственному принципу известно в Средней Азии, по археологическим и письменным данным, от Бухары до Семиречья. Эту специализацию отмечали древние авторы и для Ферганы. Напомним, что Макдиси отмечал для вагизийских селений отдельные центры, славившиеся хлопчатобумажными тканями (Тисхан), рисом (Зеркан), сапожниками (Ренджед), подобно тому как Ходженд—виноградниками и садами и т. д. и т. п.

Сильное воздействие Мавераннахра, выразившееся в развитии ремесел и культуры, объясняется связью с ним Ферганы при караханидской династии, объединившей эти области. В Фергану проникали люди среднеазиатского запада. Об этом говорят не только ремесленные кварталы Баба, но и надписи на могильных камнях (кайраках). Народ перемещался из города в город. В Узгене покоился прах касанца, а недалеко от Касана, у мавзолея Шахфазиль, нашел свое успокоение житель далекого Закавказья.

Но несмотря на мощное воздействие Мавераннахра, Фергана сохраняла и некоторую самобытность. Здесь явно сказывалось влияние тюрков. Об этом говорят распространенность тюркской письменности и речи, отразившихся в титулах правителей, в наманганском списке рукописи Кудатгу Билик (первом мусульманском сочинении на тюркском языке, как называл его В. Бартольд), в бытовании уйгурского шрифта, что отмечает, в частности, варухская надпись 1041 г.

Караханиды содействовали дальнейшему объединению ферганского населения с жителями Мавераннахра. Вместе с тем они несомненно продолжили дальнейшую тюркизацию ее населения, развивая предпосылки, на много веков ранее созданные, к формированию узбекского населения. По существу тот облик культуры, который складывается в XI—XII вв., остается в основном неизменным в ближайшие столетия.

УПАДОК СТРАНЫ

«В Фергане семь городов, пять из них на южном берегу Сейхун, два — на северном берегу».

Бабур-намэ

Правитель городов Касана и Ахсыкета Исмаил, при приближении войск Джебе Нойона, полководца Чингис-хана, вышел навстречу со старейшинами города и изъявил покорность завоевателю. За эти «заслуги» Исмаил был облечен доверием и сделан проводником, а покоренные города, измотанные перед этим каракитайскими набегами и разрушениями временщика Кучлука, были пощажены. Эту «мирную» победу Чингис-хан закрепил посылкой особого отряда, после взятия Самарканда в 1219 г. Однако не все города столь покорно сдались Чингис-хану. Ожесточенное сопротивление оказал Ходженд, являвшийся воротами в Фергану. Его начальник Тимур-мелик, сдав город, укрепился недалеко от него на острове Сыр-дарьи и продолжал сопротивление. Героическая борьба Тимур-мелика не спасла Фергану, и он сам, после разгрома войск, защищавших Ходженд, с трудом прорвался по Сыр-дарье к Хорезму, где до конца своих дней разделял судьбу другого претендента на власть — султана Джелаль ад-Дина. Фергана была занята после падения Ходженда монгольским отрядом под предводительством Чагатая и Угедея. Она вошла в состав чагатаевского улуса монгольского государства. Не нарушая традиции, чагатаиды избрали своим центром Узген, где находилась их казна и, следовательно, центр политической власти, однако лишь ферганского масштаба. По наследству от чагатаидов Фергана входит в состав Могулистана, в государство Пуладчи и Токлук Тимура, созданного в 1360 г., впрочем, не долго удержавших ее в своих руках. Мусульманской Фергане трудно было сохраниться в стране «разбойников» «джете», несмотря на то, что сам Токлук Тимур принял ислам. Преемник Пуладчи Камар ад-Дин своей борьбой с преемником Токлук Тимура Ильяс Ходжой ослабил Могулистан. Этим не мог не воспользоваться Тимур, который еще в 1370—71 гг., очевидно, через Фергану доходил до Кочкара (Тяньшань). Во всяком случае, в 1375 г., после удачного похода в Семиречье, Тимур возвращается в Узген. О том, что Фергана входит в состав не Могулистана, а государства Тимура, свидетельствует тот факт, что Камар ад-Дин пытается ее занять в 1376 г., когда Тимур был занят походом в Хорезм. Узген — заключительный этап (быть может база?) и следующего похода Тимура 1377 г. А когда Тимур накануне своей смерти завершил цикл восточных походов в 1404 г., то

он правление завоеванного Восточного Туркестана поручил ферганскому наместнику. Включенная в состав тимуридского государства, Фергана оставалась во власти тимуридов до конца этой династии. Попытки западно-могулистанского владетеля Юнуса в 1469 г. овладеть Ферганой были безуспешными.

Накануне падения власти тимуридов в Мавераннахре Ферганой постепенно овладевают могулистанские правители, вступающие в борьбу с новым претендентом на власть в Мавераннахре, а по существу во всей Средней Азии. Шейбани-ханом. Уже в 1503 г. Шейбани-хан разбил у Ахсыкета монгольское войско, предводительствуемое братьями Махмудом и Ахмедом. К 1508 г. вся Фергана была под властью шейбанидов, свидетельством чему является тот факт, что когда в Фергану в 1508 г. бежал султан Халиль (один из могулистанских владетелей), то он был казнен по приказанию узбекского правителя области Джанибека. Его брат Сеид, задумавший поход против узбеков в 1516 г., не осуществил его и только в 1525 г. попытался вторгнуться в Фергану, но вынужден был вернуться в Могулистан. Фергана стала узбекской и оставалась ею. Укрепление узбеков Шейбани-хана в Фергане происходило, как мы видели, в непрерывной борьбе с Могулистаном и потомками чагатаидов.

Знаменитый Бабур, одиннадцати лет объявленный беками «государем Ферганы», принадлежал к этим потомкам, феодальным правителям городов и областей Ферганы. Наиболее крупными были Андижан, Ош, Маргинан, Исфара с четырьмя булуками (округами), а именно Исфара, Ворух, Сох, Хушьяр. Последним южным городом Ферганы был Ходженд с подвластным ему городком Канд-и-Бадам. На севере Ферганы Бабур отмечает Ахсыкет, который после Андижана был крупнее иных городов Ферганы. Отмечается также Касан, развалины которого находятся под постройками современного одноименного селения.

Фергана еще при предках Бабура делилась на уделы. Часть Ферганы принадлежала Омаршейху Мирзе (отцу Бабура) со столицей Андижан, в то время как Ахсы и Ходженд временами были самостоятельными владениями. Жизнь отца Бабура—типично феодальная. Бабур сам о нем пишет, что «по склонности к захвату владений он часто сменял мир на битву и дружбу на вражду».

В этих условиях, когда Фергана становится плацдармом—вначале походов Тимура, а впоследствии—междоусобных войн, экономика и культура не могли получить особого развития.

Несомненно, что в этот период усиливается роль ислама. Усиливается значение многих религиозных мусульманских

центров, например, в районе Джалал-абада—Аюб Пайгамбар, на севере Ферганы; около кишлака Сапит Булан—мавзолей Шах Фазиль. Последний примечателен своими разнообразными орнаментами (резьбой по ганчу), украшающими внутренность мавзолея. В богатстве орнаментальных мотивов, насчитывающих свыше 70 композиций, есть сходство с тонкой гравировкой по металлу, известной по памятникам XIV в. Вероятно, к XIV—XV вв. относится строительство мавзолея на горе Тахт-и Сулейман в городе Ош и многих других.

Роль феодальной культуры не уменьшалась ни при чагатаидах, ни тем более при Тимуре, ни при узбеках Шейбанихана. Центром Ферганы становится Андижан, жители которого—тюрки. «В городе и на базаре,—говорит Бабур,—нет человека, который бы не знал по-тюркски». Говор народа сходен с письменным языком. «Сочинения Мир Алишера Навои, хотя он родился и вырос в Герате, написаны на этом языке».

Подъем Андижана, начавшись еще при монголах, продолжался, видимо, при тимуридах, судя по тому, что имеются тимуридские монеты (даже золотые), битые в Андижане в 1388/89 гг. (Тимур), в 1428/29 гг. (Шахрух) и 1485 г. (Ахмед). Ферганские города, как и область в целом, потеряли в период монгольского завоевания и позднее свое значение промышленного центра. В описании Бабура, города и округа выступают как поставщики сырья, ценного камня, дерева, бирюзы, железа. Но, пожалуй, главный предмет вывоза—продукты земледелия, особенно садов, виноградников и бахчей. Бабур начинает свое «намэ» указанием: «Фергана—небольшая область, хлеба и плодов там много».

«Провинциализация» Ферганы после ее расцвета в IX—XII вв. ярко сказывается в археологических памятниках. Появляется много домашней, неглазурованной керамики, ухудшается качество поливной. Многие города захирели и пришли в упадок, другие передвинулись на новые места. Упомянутый в источниках Касан расположился у подножья старого Касана. Об Узгене источники забыли. Города Верхней Несьи (Некад, Мискан, Аувал и другие) прекратили свое существование как городские центры. Они превратились в сельские округа. Исчезла ранее знаменитая Кува. «Передвижка» центров вызывала к жизни новые пункты. Готовился «наследник» Ахсыкета—Наманган, на месте старых сельских поселений XI—XII вв., отмеченных случайными находками с места поселений в приречной части современного города Намангана, по дороге в Балыкчи.

Выдвинулся на первое место Андижан, там где был старый, невзрачный город Андукан и т. д. и т. п. «Исчезновение» городов было вызвано периодом разрухи во времена нашест-

вий и междоусобиц. Свое былое значение сохранила лишь торговая дорога, направлявшаяся по югу страны, через горные хребты в далекий Кашгар.

Фергана становилась провинцией Средней Азии, ибо она потеряла свое политическое значение, а ее промышленная экономика не могла более конкурировать с мастерскими Мавераннахра. Упадку страны способствовали и ее раздробленность, отсутствие единой централизованной власти или ее маломощность.

В этих условиях экономического и политического упадка узбекское завоевание, внесшее новую волну тюркских элементов, способствовало завершению тюркизации области. Закончился первый этап тюркизации Ферганы, сложилась ферганская ветвь узбеков. Характерно, что и этот процесс XV—XVI вв. победил в восточной Фергане, где издавна шел активный процесс тюркизации. Если в Андижане все—тюрки, то все жители Исфары говорят по-таджикски, заявляет Бабур. Та этническая карта, которая в основном представлена современным разделением Ферганы на узбекскую и таджикскую ее части, сложилась к концу XV в. И подобно тому, как в древности распределялись границы кочевого и оседлого населения, сложились границы между узбеками и киргизами в недавнее время. Первые отразили традицию скифского окружения земледельческой Давани; прямыми хранителями культуры Давани явились староузбекские и старотаджикские города и поселения. Древняя Фергана—земледельческая страна. Ее лицо определилось степенью развитости земледелия и ремесла и выявилось характером топографии поселений. Динамика поселений соответствовала социально-экономическому состоянию страны, что отражено в наших эпиграфах и отчасти в названиях глав. Но за этим нельзя забывать, что специфика, военно-политическая сила, периоды подъема и упадка Ферганы в значительной степени зависели от кочевого окружения, населявшего горные долины. В последних, особенно на Тяньшане, сосредоточивались те племенные массивы, которые, изливаясь на равнину, определили путь ее этнического развития. Вне этого окружения нельзя понять действительной истории Ферганы. И когда впредь будут идти розыски исследователей по истории этой страны, изучение прошлого Ферганы, следует помнить географическую характеристику Бабур: «вокруг Ферганы находятся горы», вкладывая в эти слова историческое содержание.

Литература по истории древней Ферганы крайне невелика, а главное представлена по большей части специальными статьями, напечатанными в различных периодических изданиях. Особенно много ценных заметок и статей напечатано в „Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии“, издававшихся в Ташкенте с 1895 по 1917 гг. Отдельные статьи советских исследователей Массона, Оболдуевой, Жукова, Григорьева, Бернштама были напечатаны в Известиях Узбекстанского Филиала Академии Наук СССР (Ташкент), Кратких сообщениях Института истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) и некоторых других изданиях. Работы, имеющие характер сводок по истории Средней Азии, но заключающие немало фактов в отношении Ферганы, указаны ниже.

ЛИТЕРАТУРА

I. Основная литература

1. Бабур-Намэ, перевод М. Салье, Ташкент, 1948.
2. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. V, СПб, 1900.
3. Бартольд В. В., Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943.
4. Бернштам А. Н., Архитектура древнего Киргизстана, М.—Л., 1950.
5. Бичурин И., Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч III, СПб, 1851.
6. Гайдукевич В. Ф., Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, в. 14. М.—Л., 1947.
7. Древние авторы о Средней Азии, Ташкент, 1940.
8. Дьяконов М. М., Несколько надписей на кайраках из Киргизии, эпиграфика Востока, в. 2, Л., 1948.
9. Жуков В. Д., Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, Известия Узбекстанского филиала АН СССР 10, 1940.
10. Латынин Б. А., Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане (Гидроэлектропроект), Известия Гос. Академии истории материальной культуры, в. 110, М.—Л., 1935.
11. Массон М. Е., Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина, Краткие сообщения Института истории материальной культуры, в. 4, М.—Л., 1940.

12. Оболдуева Т. Г., Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале, Известия Узбекстанского филиала АН СССР, 10, 1940.
13. Масальский В. И., Туркестанский край, Россия, под редакцией, В. П. Семенова-Тян-шанского, т. XIX, СПб., 1913.
14. Тревер К. В., Якубовский А. Ю. и Воронец М. Э., История Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950.
15. Якубовский А. Ю., Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгене, Эпиграфика Востока, в. I. М.—Л. 1947 г.

ЛИТЕРАТУРА

II. Предварительные заметки и публикации об экспедициях 1944—1948 гг.

1. Бернштам А. Н., Археологические работы в Южной Киргизии, газ. „Ленинский путь“ от 27/X 1944 г., г. Ош.
2. Он же, Из древней истории Узгена, там же, от 15/XII 1945 г.
3. Он же, Историко-археологическое изучение Ошской области, там же, от 25/VIII 1946 г.
4. Он же, Археологическая экспедиция в Алайской долине, там же, от 8/IX 1946 г.
5. Он же, Странички из истории Ошской области, там же, от 28/IX 9/X, 27/X 1946 г.
6. Он же, Памиро-алайские археологические перспективы, там же, от 9/VII 1947 г.
7. Он же, Араванская скала и поиски древней столицы Ферганы, там же, от 2/VIII 1947 г.
8. Он же, Страна скифского тысячелетия, там же, от 10/IX 1947 г.
9. Он же, Новые данные по истории Алая и Памира, там же, от 21/IX 1948 г.
10. Он же, К археологическим работам в Джалал-абадской области, газ. „Большевикский путь“ от 1/X 1946 г., г. Джалал-абад.
11. Он же, Древняя Фергана, газ. „За коммунизм“ от 21 и 23/VII 1948 г., г. Наманган.
12. Он же, Итоги работ археологической экспедиции в Наманганской области, там же, от 10/VIII 1948 г.
13. Он же, Гробницы „черных царей“ в Узгене, газ. „Советская Киргизия“ от 9/IX 1945 г., г. Фрунзе.
14. Он же, Фергана и Тянь-шань, там же, от 29/XII 1945.
15. Он же, Историко-археологическое изучение Памиро-Алая, там же от 9/VII 1947 г.
16. Он же, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1941.
17. Он же, Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-шаня, Сборник „Академику К. И. Скрябину“, Фрунзе, 1945.
18. Он же, Археологические контуры Тянь-шаня и Алая, Изв. Кир. ФАН, в. II—III, 1945.
19. Он же, К истории фергано-тяньшаньских культурных отношений, там же, в. IV - V, 1946.
20. Он же, Из истории Восточной Ферганы и Алая, там же, в. VI, 1947.
21. Он же, Из итогов изучения древней истории Киргизстана, там же, в. VII, 1947.
22. Он же, Археологическая экспедиция на Памир, Вестник Ленинградского университета, XII, 1947.
23. Он же, Древняя Фергана, Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, XLVI, 1947.
24. Он же, Араванские наскальные изображения и даваньская ферганская столица Эрши, Советская этнография, 4. 1948 г.
25. Он же, Древняя Фергана, Вестник древней истории, 1. 1949 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Истоки культуры	4
Глава II. Повествование о Давани	9
Глава III. Кушанские „замки“	16
Глава IV. Между тюрками и арабами	22
Глава V. Страна трех областей	27
Глава VI. Феодалный удел	35
Глава VII. Упадок страны	40
Основная литература	44

Ответственный редактор *М. Э. Воронец*
Технический редактор *А. Т. Шепельков*

P025339 Подписано к печати 19/IX—51 г. Бумага $60 \times 2\frac{1}{16}$ —1,5 бум. л. =
3,0 печ. л. изд. л. 3,0 Тираж 1000. Цена 3 р.

Тип. Издательства АН УзССР. Ташкент. 1951 г. Заказ 905

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	9 снизу	этнографическое	этническое
15	2 сверху	в конце XI	в конце II
23	8 снизу	идухий	ядущий
39	7 снизу	дельнейшему	дальнейшему
44	12 снизу	эпиграфика	Эпиграфика

А. Н. Бернштам „Древняя Фергана“

Цена 3 р.